

: Вступительное слово главного редактора

От редакции

Братья и сестры, христиане! Наступило лето Господне благоприятное. Господь благословляющей десницей выводит нас на Свой Свет. Мы снова можем вспомнить о нашем освящении и преображении.

Преобразился Ты на горе, Христе Боже, показав ученикам Твоим Славу Твою, якоже можаху... Якоже можаху – значит столько, сколько могли они принять, т.е. по их силе, так как по силе каждого даются, согласно евангельской притче, таланты. Эти таланты мало только получить, их надо приумножить, и в этом – первая большая проблема. Но мало их и приумножить, их надо просить и получать все более и более. А для этого надо укреплять и умножать свои силы – и духовные, и душевные, и физические. Вот в этом – большая, а в наше время может быть даже еще большая проблема. Не надоела ли нам наша расслабленность и распущенность – как видно, совсем не только душевная и нравственная?

Кто не собирает со Мной, тот расточает. Пора начать собирать и собираться в Духе и Истине, добре и красоте, в гармонии, во всем знающей свой ритм и такт, свою меру. Эти задачи и ставит перед собою наш христианский (православный) журнал, свободное и независимое издание которого мы начинаем.

«Кто не собирает со Мной, тот расточает». Пора начать собирать и собираться в Духе и Истине, добре и красоте, в гармонии, во всем знающей свой ритм и такт, свою меру.

В журнале «Православная община» предполагается публиковать информацию о жизни духовных общин, о церковной жизни и жизни общества, поскольку она связана с общинно-церковной, помещать публикации из писем, дневников, воспоминаний и наблюдений, а также актуальные статьи по вопросам проповеди (миссионерской и внутрицерковной), катехизации и христианской школы, Библии, библиографии, богослужения и таинств, экуменического и нехристианского опыта и его оценки, общественно-просветительской и профессиональной деятельности христиан, семьи и брака, христианского воспитания и образования детей, диаконии (благотворительности больным и находящимся в армии, в заключении и т.п.), христианской общины и соборности, по общим и частным, но острым проблемам церковной жизни, истории, философии и богословия церкви и т.д.

В соответствии с основными задачами журнала его первый номер посвящается Преображению Господню, как раскрывающемуся во время поста празднику Красоты и Света, плодоношения и жатвы – красоты земной и красоты небесной, жатвы земной и жатвы духовной. С горы Фавор на нас струится нетварный божественный Свет, и мы радуемся этому великому празднику – как говорил прекрасный проповедник и наш церковный «иконом» протоиерей Всеволод Шпиллер, не уступающему даже Пасхе. Нельзя не согласиться в этом с о. Всеволодом; ведь в Церкви всегда были и будут две основные категории людей – ищущих Бога во Христе и обретших Его силой, действием и благодатью Святого Духа. Для первых центром церковной жизни является Великий пост, Пасха и Святая Пятидесятница. Для вторых же – Святое Преображение. Первое через уход из мира сего ко Христу и Святому Духу и тем самым к Богу ведет людей к освящению, а второе – к преображению, через причастие божественному естеству, через обожение человека, жизни и мира. Не случайно, должно быть, именно в Свято-Преображенской пустыньке, под Елгавой, окончил дни свои архимандрит Таврион (Батозский), один из самых выдающихся практических деятелей литургического и евхаристического возрождения в нашей стране, духоносный старец и великий исповедник

православной Церкви.

Не случайно и ныне поддерживает эту традицию выдающийся проповедник, исповедник и защитник нашей Церкви перед лицом множества внутренних и внешних ее врагов протопресвитер Виталий Боровой.

Уже одно это способно служить свидетельством того, что русская подлинно духоносная и светоносная традиция христианской жизни не умерла с преподобным Серафимом Саровским. Она продолжается, она действует, она живет в сердцах лучших членов нашей церкви, среди которых не являются редкостью и миряне (достаточно вспомнить С.С.Аверинцева). Тому же служат возрождающиеся после векового сна и состоящие в основном из тех же мирян подлинно православные общины, несмотря на то, что пока они еще не достигли зрелости по степени своей церковности.

Так у нас на глазах рождается новое, но такое традиционно народное и искреннее воспоминание о святых. Так из-за облаков для всех нас снова как бы приоткрывается вид вечной горы Преображения. Сделаем же еще один шаг в направлении к ней. Потом еще один, и еще... А потом, если хотим достичь цели, скажем: «Ей, гряди, Господи Иисусе!»

Протоиерей Всеволод Шпиллер: «Дерзайте, Я с вами»

Проповедь

Ученики сели в лодку, исполнили повеление Спасителя, и отправились назад. Спаситель отпустил весь народ и тогда сел на вершине пригорка прибрежного и стал молиться Богу. И молился долго: молился всю половину ночи, потом пришла вторая половина ночи, Он молился, как рассказывает Евангелие, которое вы сегодня слышали. В это время поднимается буря, буря очень сильная, поднимаются встречные ветры, которые не дают лодке с апостолами пробиться к тому берегу, и буря все сильнее и сильнее. Лодку заливают водой, лодку бросает из стороны с сторону, а время идет, ночь идет, буря этой ночью становится все страшнее и страшнее, все опаснее и опаснее.

Спаситель стоит на горе и видит это. И видит, как ученики бьются и не могут пробиться – встречные ветры их не пускают. И вот уже в конце ночи – четвертая стража пришла (тогда часы также особенные были) – буря стала особенно страшной. Он видит, что лодка не может пробиться, Он спускается вниз и по воде идет к этой лодке. Сидевшие в лодке ученики были смущены, как сказано в Евангелии, увидевши Спасителя, идущего по водам к ним, и закричали. О чем они кричали? – они не поверили, что это Спаситель идет, среди этой ночи по бурному морю. Вот Он должен быть на той горе, и мы Его только что там видели, а Он все идет и идет по воде – нет, это призрак! Только один апостол – он из всех учеников Спасителя был самым экспансивным, если хотите, так сейчас можно о нем сказать, – только он сказал: «Нет, это Христос, это Спаситель, это Он». Спаситель обратился ко всем в лодке, и Его голос – сквозь эту бурю страшную, шум, темноту, ветер, – этот голос услышали все ученики: «Дерзайте, это Я, не бойтесь». Вот после этого Петр сказал: «Если это Ты, позволь мне придти к Тебе по воде». И Спаситель ответил: «Иди». Петр вышел из лодки и направился к Нему. Но вдруг испугался, что он тонет, и стал тонуть, стал протягивать руки ко Спасителю: «Помоги, спаси меня». Спаситель подал ему руку и сказал: «Маловерный, зачем ты усомнился?» – вместе с ним вошел в лодку. И когда вошел в лодку, то все ученики Его бросились к Нему и говорят: «Да, Ты воистину Сын Божий» – исповедали тогда веру во Христа таким образом. И сразу же буря

остановилась, все стихло – никаких встречных ветров, никаких. И лодка спокойно доплыла до того места, до которого должна была доплыть.

Так часто бывает, что самые лучшие наши сердечные стремления встречает буря, встречает встречный ветер страшный, который готов затопить лодку.

В нашей жизни, братья и сестры, в нашем с вами плавании по житейскому огромному морю так часто нас встречают подобные ветры, встречные ветры, не попутные, а именно встречные, бурные. Так часто бывает, что самые лучшие наши сердечные стремления встречает буря, встречает встречный ветер страшный, который готов затопить лодку. Утлая наша лодочка, на которой мы плывем по этому морю, житейскому морю, заливаётся водой со всех сторон, кажется, нет, спасения больше нету. Но сквозь все бури, сквозь страшный шум вокруг нее, сквозь страшные эти волны, заливающие нашу лодочку, мы, христиане, мы с вами не можем не слышать этого голоса, пробивающегося сквозь шум бури, – голоса Спасителя: «Дерзайте, это Я, не бойтесь». И тогда Он входит в эту лодку, в нашу лодочку, и все успокаивается, и мы становимся его спутниками, и вместо этих ветров навстречу попутный ветер дует, и мы приходим как раз туда, куда надо, спокойно-спокойно. Конечно, часто бывает и с нами так, как с Петром: «Господи, вели идти к Тебе». И мы идем, пытаемся идти. Но с людьми, которые почти достигли края жизни, на последней страже ночи – очень страшной, – бывает часто, что преодолевают какие-то сомнения, вдруг человек начинает сомневаться, как апостол Петр, и тогда он должен услышать, обязательно должен услышать: «МалOVER, зачем ты усомнился?» И когда он услышит, то протянутую руку, просящую спасения, – ее поддержит Спаситель и вместе сядет в эту лодку, твою лодку, утопающую, и спокойно при утихшей буре доведет. И эта вера во Христа и эта сила Христова доведет ее до той цели, для которой мы живем, для которой мы назначены. Только была бы настоящей эта вера, только бы не отказал нам слух. Чтобы всегда он слышал это: «Дерзайте, Я с вами, не бойтесь». Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных и спаси!

Аминь.

27 июля 1980

Протопресвитер Виталий Боровой: Святость

Проповедь

Из материалов молодежных христианских встреч «Осанна». «Осанна» – это московские молодежные христианские ежемесячные встречи, которые начались в январе 1990 года. Встречи открыты для всех (до последнего времени в Некрасовской библиотеке). К каждой встрече выпускается листок, включающий в себя проповедь и тексты песен. В 1990/91гг. встречи предполагается посвятить житиям святых.

Когда Моисей в пустыне увидел куст, горящий огнем и не сгорающий, и приблизился к нему, Бог сказал ему: Сними обувь твою с ног твоих; ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая (Исх 3,5). Эта земля, на которой стоит Неопалимая купина, ничем не отличается от земли вокруг, но она свята, так как нераздельно принадлежит Создателю. В сущности, человеческая святость того же рода – в отделенности от этого мира. Святой – это значит отданный Богу в Его и только Его удел. И эта посвященность очищает человека. Не то, чтобы чистота пред Богом была источником святости, – нет, именно посвящение жизни Богу есть

источник чистоты.

Человек, созданный Богом по образу и подобию Божию, призван к соединению с Ним в тайне вечной любви и вечной жизни. Святость человека как полная посвященность его Богу и как всепоглощающее стремление «да будет воля Твоя» – это единственное условие для осуществления этого призвания.

Святой – значит отданный Богу в Его и только Его удел

Обладая данной Богом свободой, человек провозглашает «да будет воля моя» и посвящает свою жизнь не Богу, но себе. В этом корень всех грехов, источник всякой нечистоты. Все согрешили и лишены славы Божией (Рим 3,23). Греховность есть полная противоположность святости: человек отделен от Бога и поработен миру. Ненависть и смерть царят между людьми.

Но Бог верен в любви Своей к творению Своему, и Он посылает Сына Своего в падший мир. Апостол Павел пишет: Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел, для служения Богу живому и истинному! (Евр 9,14). Кровь Христа, вочеловечившегося Бога, пролита на Кресте за нас, и эта кровь очистила и осветила нас. Крестная Жертва Христа выкупила нас из рабства греху и дала нам свободу, чтобы мы могли посвятить, отдать свое сердце Богу. Это очищение и освящение совершилось, уже совершилось.

Христос умер за каждого из нас, и воскрес, и даровал нам спасение, а значит святость.

...Ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец – жизнь вечная (Рим 6,22). Спасение – это дар бесконечной любви Бога к нам; и, спасенные, мы отделены от тленного мира. Мы святы, ибо уже неподвластны греху. Источник же нашей святости – любовь, которой так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего едиnorodного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную (Ин 3,16). Эта любовь освящает и преображает всякого человека, отдающего свою жизнь в Его руки. И эта счастливая возможность дана каждому из нас.

Святость, отделенность от мира и посвященность Богу живому делает нас участниками Его жизни, ибо Он присутствует в своем уделе. Никто не свят, кроме Бога, но если отделяем свое сердце от этого мира и открываем его Богу, то Он поселяется в нем и этим присутствием исполняет нашу святость.

Освобождение от рабства себе и своим желаниям, освобождение, посвящающее нас Богу, даровано всем; все мы стали по воле Христа царственным священством и народом святым – Церковью. Сам Господь посвятил Себя нам, войдя в наш мир, став как один из нас. Сам Господь спас нас, очистил нас Своею Кровию и даровал нам Свою жизнь. Посвящая себя Ему, мы входим в эту жизнь, принимаем Его дар. Святость нашей жизни во Христе питается постоянным евхаристическим общением с Богом живым.

Святость – отданность Богу и соединенность с Ним, дарованная нам, – это естественное, от начала созданное состояние человека, и именно святость полностью раскрывает сердце человека для того самого мира, от которого он отделен. Отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их (Деян 13,2). «Отдели Мне себя на дело, к которому Я призвал тебя из небытия», – говорит Господь. Отделенность от мира, посвященность Богу – это вовсе не уход из мира. Сердце, посвященное Богу, наполнено Им и, значит, наполнено его деятельной любовью к миру. История Церкви давала и продолжает давать нам примеры того, как Господь Сам движет сердцем и руками посвятившего Ему себя человека, будь то апостолы,

монахи-подвижники или такие наши современники, как доктор Гааз и Жан Ванье, великая княгиня Елизавета Федоровна, мать Мария (Елизавета Скобцова) и мать Тереза Калькуттская. Их служение несло и несет всем окружающим, всему миру любовь Христа, Его милость. Через таких людей, полностью отдавших себя Богу, милосердие Божие достигает множества сердец, Его любовь изливается и залечивает множество ран.

Святость – это дар, ниспосланный нам с Креста, дар свободы, дар отданности Богу и соединенности с Ним. Принадлежность к Его Царству, Его жизнь, данная нам в нашей святости, – это плод Крестной жертвы, принесенной за всех без исключения. И Христос живет в каждом посвященном Ему сердце, и в нашей святости исполняется сегодня Его Воскресение. Господь дал каждому из нас возможность принять этот дар. Будем же желать этого и молиться Святому Духу, чтобы это свершилось.

Аминь.

5 мая 1990

Протопресвитер Виталий Боровой: О богоизбранности

Проповедь

Приветствую вас, дорогие братья и сестры с праздником! Хочу выразить свою радость по поводу того, что Господь сподобил меня сегодня молиться с вами после длительного перерыва. Я считал необходимым сказать хотя бы несколько слов, так как литургия, божественная служба – это служба ради таинства причастия, но это и служба слова, научения, Апостол Павел призывал проповедовать во время и не во время (2Тим 4,2).

Сегодня мы слышали евангельское повествование о десяти прокаженных, которых исцелил Господь Иисус Христос (Лк 17, 12–19). Проказа и сейчас страшная болезнь, а в то время – тем более. На время этой болезни человек должен быть полностью отлучен от общества, чтобы не заразить других; прокаженных могли палками прогнать от селений. И вот эти десять стали вопить: Господи, помилуй нас. Господь им сказал: Пойдите, покажитесь священникам, – так как священники по закону должны были освидетельствовать прокаженных, когда те выздоравливали (Лев 14, 2–3,9). Они поверили, пошли и исцелились. Один из них вернулся и с воплем пал у ног Христа, воздавая Ему хвалу. Христос сказал: Где же девять? Как они не вернулись восхвалить Бога? А вернувшийся человек был самарянин, с которым иудеи не имели никакого общения, он был для них как неверующий. Но он вернулся, а те девять, принадлежавшие к избранному Богом народу, к ветхозаветной церкви, не вернулись, а побежали от радости по домам, чтобы жить своей собственной жизнью.

Несмотря на то, что в мы в духовно-нравственном отношении скверны, поступаем часто хуже неверных, но мы все же – избранный Богом народ, избранный, чтобы свидетельствовать о Боге среди миллионов не знающих о Нем и неверующих

Обычно, когда говорят об этом в проповеди, говорят о неблагодарности и призывают нас быть благодарными. Говорят еще, что прокаженные стояли вдаль, и что мы похожи на них в нашей моральной, духовной жизни, и что мы должны с благоговением приступать к таинствам, сознавая свое недостойство, хотя мы и допущены к ним. Еще обращают внимание на то, что вернулся отверженный, а не те, кто считал себя верными, т.е. на то, что «верные» часто

оказываются хуже «неверных», чувствующих добро. Это все верно. Мы, действительно, часто оказываемся хуже тех, кого считаем неверными. Но – несмотря на все это, на то, что в мы в духовно-нравственном отношении скверны, поступаем часто хуже неверных, но мы все же – избранный Богом народ, избранный, чтобы свидетельствовать о Боге среди миллионов не знающих о Нем и неверующих – хотя бы со всеми нашими грехами. Мы должны иметь в себе это чувство богоизбранности, призвания. Это не священники, монахи, епископы избраны проповедовать, это все мы – вы! – избранные Божии, вы и есть Церковь! Где народ Божий, там и Церковь, а где Церковь, там и Христос посреди нее. Тогда и молитвы священников и епископов действительны, ибо они приносятся от лица всей Церкви.

Мы ни на минуту не должны терять этого чувства. Мы имеем особое поручение от Бога – не только верить, но и свидетельствовать другим. Церковь свята не жизнью своих членов, а потому, что Глава Церкви – Христос. «Свят Господь Бог наш». На литургии мы поэтому слышим: «Святая – святым».

В сегодняшнем апостольском чтении – послании к Колоссянам, апостол Павел говорит, чем и как мы можем доказать, что мы избранный народ. Итак, облекитесь, как избранные Божии – как мы! – ...в милосердие, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение – вот эти признаки богоизбранности! вот та печать богопризвания! – снисходя друг ко другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства; и да властвует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы и призваны в одном теле, и будьте дружелюбны (3,12-16). А имея мир в душах, мы будем носителями мира и для других. Вот наше с вами богоизбранничество, богопризвание!

Вспоминая сейчас прокаженных, оказавшихся неблагодарными, мы должны быть искренни и бесконечно благодарить Бога за то, что Он призвал нас к спасению, сделал Своим народом, через который призывает и других. И тогда Господь, видя нашу веру и свидетельство, в день Судный, когда мы предстанем Ему со всеми нашими грехами, скажет нам, как тому самарянину: Встань, иди, вера твоя спасла тебя!

Аминь.

Священник Георгий Кочетков: Слово в неделю о мытаре и фарисее

Проповедь

Во имя Отца и сына и Святого Духа!

Братья и сестры, христиане!

Чтобы как следует проводить нашу духовную, христианскую жизнь, нам нужно прийти к изначальной точке, нам нужно прийти к воскресению Христову, которое совершается и в наших сердцах, которое совершается и на земле и на небе. И наши сердца должны принадлежать небу и земле, потому что нам надлежит наследовать и то и другое!

Сегодня удивительное сочетание разных праздников. Вот сейчас мы говорили о главном из них, о празднике Воскресения Христова. Субботний вечер и воскресное утро это всегда празднование малой пасхи, это всегда для всех христиан радость о Воскресшем, независимо ни

от чего, даже если идет Великий пост, даже если как бы нет сил, даже если в жизни все трудно.

В то же время продолжается празднование Сретения Господня. Сретение это великая радость встречи и единения, встречи и общения человека с Богом, верных людей друг с другом. Без такого общения невозможно вместить свет воскресения Христова, но для того, чтобы это общение людей осуществилось, для того чтобы оно было полным, нужно много потрудиться. Между людьми очень много перегородок, очень много таких вещей, которые или отделяют людей друг от друга, или, если не отделяют, то омрачают их общение. Потому что есть грехи, грехи против самого себя и грехи против ближних, которые так же существенны, как и грехи против Бога и мира Божьего.

Сретение это великая радость встречи и единения, встречи и общения человека с Богом, верных людей друг с другом

И еще сегодня первая подготовительная неделя к Великому посту, Неделя о мытаре и фарисее. Завтра на литургии оглашаемых во всех храмах будет читаться соответствующее Евангелие с притчей о мытаре и фарисее, и сегодня мы уже слышали соответствующие стихиры. Да, дорогие братья и сестры, эта притча говорит нам о том, что можно внешне, формально исполнить все и при этом не угодить Богу. А можно жить так, что, кажется, еще чуть-чуть и падешь настолько, что уже нет никакой надежды на спасение, и в то же время найти лучший путь и лучшее оправдание.

Всем нам известна притча о мытаре и фарисее, все мы знаем, как нежелательно верующему человеку оказаться тем, в ком есть закваска фарисейская, от которой так предостерегал нас Господь, потому что она есть лицемерие, она есть духовное и церковное, религиозное ханжество. Как говорил о. Сергей (Савельев), что часто происходит среди верующих и в наших храмах? Люди соблюдают формочку жизни, а о духе не заботятся. И тогда все теряет смысл. Да, дорогие братья и сестры, плохо человеку грешить, плохо бы ему оказаться среди тех, кто отвергается народом Божиим как грешник, но еще хуже, когда человек попадает в фарисейскую среду и охватывается духом лицемерия.

Люди соблюдают формочку жизни, а о духе не заботятся

Для нас, православных, очень непросто разрешить эту проблему, потому что мы особенно акцентируем свое наследие и свою историческую задачу сохранить полноту предания. Мы хотим быть наследниками отцов, потому что помним слова Ветхого завета: Благословен Ты, Господи, Бог отцов наших, мы хотим привлечь внимание людей к покаянию, и не случайно в наших храмах постоянно звучат ветхозаветные слова о Боге как Боге кающихся, но мы иногда забываем о том, что предание церковное должно обладать качеством целостности и что в нем все должно быть уравновешено: писание и предание, внешнее и внутреннее, покаяние и радость о спасении, смирение и дерзновение, и если мы возьмем что-то одно, но забудем о другом, то окажемся как раз менее всего верными Православию.

Неделя о мытаре и фарисее напоминает нам, что не следует унывать ни в какой ситуации, даже если кто-то, как мытарь, грешен во всем, потому что Господь Милосердный найдет для него путь покаяния и спасения! Нам нужно помнить, что Господь хочет от нас покаяния для того, чтобы мы очистились и возрадовались, и если нет этих плодов покаяния, то такое покаяние вызывает вопрос: а может быть, это просто форма мазохизма или садизма, желание обличать себя или других во всем, потому что это доставляет нам или кому-то еще удовольствие? Ведь сейчас мы так хорошо знаем, что стоит за этими тяжелыми комплексами человеческой психики... Начиная готовить себя к Посту с Недели о мытаре и фарисее, мы думаем о том, как избежать соблазна фарисейства в нашей православной вере и жизни, но мы

думаем и о том, как научиться глаголам смиренным, которые смог найти даже столь грешный человек, как тот мытарь из притчи.

Еще сегодня мы слышали отрывок из 20-й главы книги Исход, в которой говорится об одном из самых главных моментов ветхозаветной истории. Бог учит Свой народ десяти заповедям, выделяя из множества, из сотен правд, данных свыше, десять основных. Бог учит Свой народ прежде всего им, потому что если не будут исполнены эти десять заповедей, то не будет и народа Божьего как такового: если народ Божий не вместит хотя бы этого, он не будет достоин называться Церковью ни ветхозаветной, ни новозаветной, никакой. Потому что человек, нарушающий эти заповеди, начинает внутренне разлагаться и разлагать других.

Если человек забудет о едином Боге, если он подвергнется соблазну идолопоклонства, если он потеряет благоговение пред именем Божиим, если он не сможет уделять времени, сил и средств для служения Богу здесь на земле, если он не будет почитать благочестия прежних поколений и прежних святых, своей духовной родины, если он начнет убивать, не ценя даров Божьих, данных другим людям, или прелюбодействовать, предавая любовь, которая всегда дар свыше, если он начнет красть, заботясь лишь о себе и своем и не думая ни о ком другом, не умея поставить нужные границы своим похотям, если он начнет лжесвидетельствовать на ближнего, если он начнет даже лишь желать всего этого, то этот народ еще или уже не народ Божий.

Мы должны очень хорошо понять, что все, что касается десяти заповедей, это не частное дело людей, это не вопрос того, как устроится личная жизнь того или другого человека, как нам это долго внушали и, увы, внушили

Мы с вами хорошо знаем из нашей русской истории и современности, к чему приводит нарушение десяти заповедей, которое сейчас стало повальным. Мы должны осознать это, ведь мы тоже подвергаемся агрессии зла. Когда наши соседи, а иногда и наши дети, родные, близкие, друзья, знакомые оказываются грешны в этих грехах, мы должны трезво понимать, что мы сами подвергаемся большой опасности, потому что человек так устроен, что он не может жить лишь своими внутренними установками, убеждениями и принципами, он всегда смотрит на свое окружение, он всегда зависим от среды, в которой живет. И если эта среда порочная, человек может не устоять в любви и Божьей правде и потерять свое христианское призвание и звание. Мы должны очень хорошо понять, что все, что касается десяти заповедей, это не частное дело людей, это не вопрос того, как устроится личная жизнь того или другого человека, как нам это долго внушали и, увы, внушили. Это не только вопрос частной или семейной жизни, или личного благочестия, т.е. вопрос интимный, это самый главный и общий вопрос: может ли существовать Церковь Божия, если концентрация греха в обществе и верующем народе превосходит всякую меру? Мы знаем из Священного писания, что бывало так, что лишь кто-то один оставался верным Богу. Но так бывало и позже в Новом Завете. Не случайно св. Василий Великий говорил: Кто не со мной, тот не с истиной! Он говорил это от безысходности, не потому, что хотел себя утвердить, а потому, что ему в его христианском звании было одиноко. Мы же часто еще недооцениваем нужды в покаянии всего народа и, значит, каждого из нас.

Мы с вами, все здесь присутствующие, включая даже оглашаемых, уже, наверное, покались в своих личных, индивидуальных грехах, действительно интимных грехах, но мы очень редко находили в себе силу для покаяния в грехах народных. Мы продолжаем сваливать на других страшные грехи нашего народа. Да, грехи народа нашего страшны! Один XX век чего стоит, а ведь народ наш живет не один век, и этот черный шлейф грехов и пороков тянется за нами уже столетиями! Нам известна не только история святости и Святой Руси, нам известна и другая сторона медали, которая заставляет нас скорее молчать, когда находятся люди, слишком часто

упоминающие о святости Руси!

Наверное, самые счастливые люди, которые проходят путь оглашения, потому что они как раз похожи на тех, которые принимали манну с небес, но которые сами почти не трудились, ведь их труды малы, незначительны

Нам нужно освободиться от фарисейского духа, проявляющегося тогда, когда мы не видим своих грехов и страшных язв, а все смотрим вокруг, на кого бы показать пальцем и сказать: Я не такой, как он или она, или они!

Наверное, самые счастливые люди, которые проходят путь оглашения, потому что они как раз похожи на тех, которые принимали манну с небес, но которые сами почти не трудились, ведь их труды малы, незначительны. Им дается манна благодати даром, они играют этим светом, этой радостью и, наверное, правильно делают: если уж тебе дается манна свыше, то бери ее и ешь! Питайся ею и веселись, и радуйся, но знай, что придет день, когда манна падать перестанет, и тебе самому придется добывать хлеб, может быть, лишь небольшое время в начале еще пользуясь той пищей, которую скопили для тебя или вместо тебя другие. И если ты не будешь готов к этому духовному труду на протяжении всей своей земной жизни, то умрешь, снова умрешь от духовного голода.

Слово Божие учит не только оглашаемых, но и всех нас, когда говорит о том, что весь народ Израильский у горы Синайской видел гром и пламя и звук трубный и гору дымящуюся. И увидев то, весь народ отступил и стал вдали, потому что исполнился страха Божьего и благоговения. И вот, Писание нас учит тому, как жить дальше. Тогда, на Синае, люди сказали Моисею: Говори ты с нами, и мы будем слушать, но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть. Они согласились слушать людей от Бога и слушаться их. Они поняли, как много еще нужно потрудиться, чтобы быть рядом с Богом или жить в Боге, и если восхитить себе этот дар без подготовки, то можно сорваться и умереть. Тогда в древности Моисей сказал народу: Не бойтесь. И сейчас мы говорим это всем, приходящим к Богу: Не бойтесь! Если вы будете бояться так, как вы боялись прежде, всего и всех, то вы так же умрете, вы так же лишитесь духа и жизни. Не бойтесь, идите вперед, как бы вас ни пугали обстоятельства, болезни, семейные условия, недостаток средств к существованию, здоровье, условия жизни, труда на работе и жизни в обществе. Не бойтесь ничего и никого! Бог к вам пришел, дабы испытать вас и дабы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили. И мы также должны сказать себе и друг другу, и особенно приходящим к Богу: Вы пришли к Богу, но более вас и первее вас Бог к вам пришел, чтобы испытать вас. Испытание, в переводе на древний язык, это искушение, которое дается для того, чтобы вы стали искусными в жизни, потому что прежде не были таковыми, и чтобы страх Божий был пред лицом вашим, дабы вы не грешили. Потеряете страх Божий и снова соблазн греха постепенно смутит вас, и узы греховные поработят вас.

Итак, с одной стороны, не бойтесь ничего внешнего в этом мире, никаких препятствий на духовном пути, с другой же стороны бойтесь Бога, чтобы не грешить!

И стоял весь народ вдали, послушав Моисея, а Моисей вступил во мрак, где Бог, т.е. он пошел дальше своей дорогой, согласно своему призванию, призванию пророка. Моисей вступил туда, где была возможность богообщения, для чего нужно было пройти сквозь мрак, который тоже есть искушение. Людям ведь трудно проходить сквозь мрак даже к свету, даже когда они точно знают, что найдут в конце мрачного тоннеля свет. Человек, неся в себе древние, еще зоологические корни, зоологически боится мрака. Он бежит от него так же, как бегут животные. Помните, как ведут себя, например, птицы при затмении солнца?

Моисей пошел дальше, но он научил народ благоговению, смирению, послушанию и тому пути,

который избавляет людей от греха!

Вот, дорогие братья и сестры, будем же стараться жить в соответствии со своим призванием, с одной стороны, избавляясь от своих грехов и грехов своих предков и, может быть, еще не нашедших Бога современников, с другой же стороны, живя в поисках света, будучи готовыми идти к этому свету даже через мрак, мрак непонимания, мрак гонений, мрак богооставленности. Пусть никто из нас не отступит в сердце своем от своего христианского призвания, пусть никто из нас не усомнится в том, что Бог Спаситель и Защитник наш во всех обстоятельствах. Пусть каждый знает, что траектория его пути вперед и вверх, подобно Моисею, но что в условиях мира сего это еще означает способность спуститься вниз, в самые низины этого мира, прийти к больным, нищим, бедным, страждущим, к тем, кто подобно мытарю ничего не находя в себе доброго, может лишь взывать в надежде на благодать Божию.

Аминь.

19 февраля 2000

Епископ Таврический Михаил (Грибановский): В чем состоит церковность

Община и соборность

Предисловие к публикации

На кладбище г. Симферополя, рядом с погребением знаменитого врача – архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого), стоит новое надгробие с надписью: «Епископ Таврический Михаил (Грибановский), 1856–1898». Большинству наших современников, даже христиан, это имя вряд ли известно. Однако те, кто читал написанное им, особенно «Письма» и сборник «Над Евангелием», и мог ознакомиться с его биографией, без сомнения засвидетельствуют, что владыка Михаил был одним из самых ярких духовных светильников России второй половины прошлого века.

Стремившийся к монашескому уединению (он стал первым после двадцатилетнего перерыва монашествующим студентом Санкт-Петербургской Духовной Академии) молодой иеромонах по благословению св. Феофана Затворника и преп. Амвросия Оптинского остается «в миру»: несет служение в Академии, затем в посольской церкви в Греции, потом вновь в России, уже как архиерей. Но служение в миру не стало для него исполнением тягостной обязанности. Еще задолго до пострига он писал, что «невозможно одному устоять против течения океана суеты и низких помыслов» и что для этого «нужно общество духовных аскетов». Такое общество в его понимании – не очередной кружок, монастырь или орден, но те члены церкви, которые полностью стали на путь следования за Христом.

Важной вехой в развитии этого направления мысли стала речь о правильном понимании церковности, произнесенная о. Михаилом в конце декабря 1886 г. Удивительно читать в ней обращенные к вполне благополучному с современной точки зрения христианскому обществу призывы ознакомиться (!) с учением Церкви по Евангелию и постановлениям Вселенских Соборов, отрешившись при этом от предвзятости и субъективности. Но еще более удивительно

то, что с первых же строк о.Михаил предвосхищает ставшие известными только через тридцать лет слова преп. Серафима Саровского о цели христианской жизни. Он говорит о церковности как не столько о внешней, но о внутренней форме церковной жизни, таком ее направлении, «в котором видно преобразующее действие Святого Духа, присущее Церкви».

Эти слова сейчас более актуальны, чем десять или даже пять лет назад. Ведь наша церковь вновь вступает на стезю учительства, от нее ждет живого слова изверившееся, разочарованное общество. Обратимся же прежде к себе самим – не полагаем ли мы и сейчас, что форма рождает содержание? Что сохранения буквы достаточно для сошествия Духа? Нет, – пророчески говорит нам епископ Михаил, – нужно вновь и вновь познавать Церковь, таинственное пребывание в ней Святого Духа и стремиться приобщить прежде всего к Нему все частные стороны нашего бытия.

Александр Копировский

Из речи на заседании Братства Пресвятой Богородицы 14 декабря 1886 года. Опубликовано в журнале «Церковный вестник» (1886, декабрь, № 51-52, с.827-830)

Мысль о церковности только еще весьма недавно стала привлекать к себе общественное внимание и до сих пор очень мало выяснена и того меньше понята. Каждый из ее друзей и врагов влагает в нее такое содержание, какое ему заблагорассудится. В различных сферах она обращается в совершенно различной окраске и вызывает самые противоположные взгляды и суждения. Посильно при всяком удобном случае уяснять великую идею церковности составляет нравственный долг ее носителей и защитников.

Самые общие, самые основные понятия церковности еще весьма смутно и в виде каких-то неопределенных и разрозненных теней предносятся пред нашим общественным сознанием. Наиболее ясно и распространено то понимание церковности, по которому она обнимает собою внешнюю богослужебную и обрядовую сторону нашей православной веры. Такое понимание пришло к нам потому, что, во-первых, весьма легко и наглядно, а во-вторых, взятое само по себе, неоспоримо верно, поскольку обрядность составляет необходимую и существенную принадлежность православия. Но и защитники, и противники этого понимания всегда должны помнить, что оно далеко не исчерпывает всего содержания понятия церковности; последнее несравненно богаче и неизмеримо выше, так как обнимает, кроме внешней, и внутреннюю сторону церковной жизни.

Церковность – по прямому смыслу слова – это то, что свойственно Церкви, что отличает ее от остального мира, стоящего вне церковной благодати: церковно то, на чем лежит печать Церкви. Мы должны называть того человека церковным, который живет духом Христовой Церкви, освящается ее таинствами, любит ее постановления и руководствуется ими во всех своих делах. То общество мы должны считать церковным, в котором царит духовный авторитет Церкви, в котором ее представители имеют решающее нравственное влияние на все формы частной, общественной и государственной жизни, в котором, наконец, все отдельные лица и учреждения свободно и любовно преклоняются перед ее божественными указаниями и получают от них силу и направление своей деятельности.

Призванная по своему божественному происхождению давать направление и характер всем сторонам жизни, Церковь нимало не стесняет их свободного роста, нимало не налагает на них однообразного мертвящего колорита

Церковность – это такое направление жизни, в котором видно преобразующее действие Св. Духа, присущего Церкви. Через церковность Он проникает в нашу земную стихийную жизнь,

возрождает и укрепляет ее. Это деятельное участие Духа Божия озаряет идею церковности божественным светом и придает ей характер несокрушимой прочности и небесного величия, как бы иногда ни пренебрегали ею в своем легкомыслии дети мира, как бы ни боролись против нее ее враги, как бы ни искажали и ни разменивали ее на мелочи ее друзья. Напрасно думают, что церковность есть знамя лишь той или другой общественной или политической партии и имеет поэтому преходящий интерес. Нет, это – знамя Св. Духа. Это – знамя тех, которые на временное течение личной и общественной жизни смотрят с точки зрения вечности. Народы и государства сходили, сходят и сойдут с лица земли; Церковь пребудет во веки. Только тот народ и только то государство могут крепко стоять и расти, которые подчинят свою шаткую, изнемогающую в своем же собственном развитии естественную жизнь могущественной, непреодолимой и для самого ада благодатной силе Св. Духа. Ошибаются те, которые думают, что церковность есть привходящая второстепенная струя в общем течении народного развития. Нет, она есть единственный проводник божественных зиждительных сил на земле, и от нее всецело зависит рост и благоденствие каждого народа. Кто не привьется к этой Христовой лозе, не вберет ее живительного сока во все разветвления жизни и внутренней и внешней, тот нравственно засохнет и погибнет навеки, будь то отдельный человек или целая, даже великая нация.

Но внести церковность в частности жизни, скажут противники, не значит ли вогнать эту жизнь в устаревшие и окаменевшие церковные рамки, которые она давным-давно переросла? Не то же ли это самое, что подавить и уничтожить все неисчерпаемое богатство индивидуальных форм развития, которые составляют весь цвет и красоту нашего существования?

Призванная по своему божественному происхождению давать направление и характер всем сторонам жизни, Церковь нимало не стесняет их свободного роста, нимало не налагает на них однообразного мертвящего колорита. Нося в себе бесконечную властную высоту, церковность вместе с тем отличается беспредельной любвеобильной широтой. Она дает полный простор всем частным проявлениям жизни, лишь углубляя, направляя и возвышая их к действительному идеалу. Ложно предполагать, что если народ возьмет своим знаменем церковность, то перестанет развиваться и застынет в установившихся формах. Совсем наоборот. Нет такой живой былинки на народной ниве, которая, воспринявши в себя луч церковности, не зацвела бы во всей своей идеальной божественной красе. Церковность убивает не жизнь, а ее несогласия, ее злую борьбу, ее мучительные противоречия. Не полнота жизни сякнет, а ее призрачные, лишь обольщающие нас иллюзии исчезают под светозарным солнцем церковной истины. Не устаревшие, отжившие свой век рамки налагаются церковностью на общество, а рамки идеальные, небесные, вечно юные; они не задерживают, не искажают побегов жизни, а лишь направляют их к их настоящей норме жизни Христовой – во всей полноте и гармонии ее божественных сил. Да и можно ли верующему христианину допустить возможность того, чтобы Дух Божий, Дух жизни убивал жизнь? Не значит ли это – допускать Царство Божие раздельшимся на ся? <Раздельшимся на ся – т.е. разделившись в себе – Прим. ред.> Одно лишь немощное неверие в силу Св. Духа, действующую в Церкви, могло породить неосновательную боязнь за развитие жизни при восприятии ею церковности. Совершенно напротив. Действительный рост жизни возможен только в Церкви, как в царстве ниспосылаемой Богом животворящей, всемогущей любви. Поэтому только тот идет по верному пути развития, кто во все его даже тончайшие изгибы вносит светоч истинной церковности. «Но как это сделать? – спросите вы. – Пусть мы, как верующие, убеждены, что церковность необходима для жизни, но как применить ее к частностям последней? Как проявить церковность в текущей действительности, на порядках нашего обычного житейского быта?» Тут мы вступаем в область совершенно темную для общественного сознания. У нас нет достаточного знакомства с жизнью Церкви ни в ее вероучении и нравоучении, ни в ее канонах, ни в ее историческом развитии. А без этого знакомства как можно озарить ее светом самих

себя и окружающее? Мы не знаем часто самых и первоначальных простых требований Церкви относительно устройства и характера тех или других сторон жизни. Хотелось бы наметить самые общие и основные пункты этих требований.

Нося в себе бесконечную властную высоту, церковность вместе с тем отличается беспредельной любвеобильной шириной

Прежде всего, как внести церковность в свои мысли, в свое мировоззрение? Какие советы предлагает Церковь искателям теоретической истины? Церковь требует, чтобы прежде чем блуждать по запутанным тропинкам естественной человеческой мысли, они обратили внимание на ее учение, как оно выразилось в Евангелии и на вселенских соборах. Затем она требует, чтобы это знакомство с ее учением было отрешено от всех предубеждений, от всякой предвзятой мысли, было бы просто и естественно, как и подобает беспристрастным искателям истины. Наконец, она требует избегать при этом, насколько возможно, односторонней ее оценки, не увлекаться одними доводами рассудка или образами фантазии, не верить влечению одного чувства или протестам одной воли, а стараться воспринимать ее учение всем существом, в полном согласии душевных сил, после того как удалось сосредоточиться, углубиться в себя, настроить возвышенно свое сердце и дух. Тогда Церковь обещает дать свидетельство своей истины. Тогда ищущий в глубине своего существа увидит, что здесь именно, в этом учении заключено то, чего просит, к чему стремится его жаждущая истины душа. Затем останется только прояснить и отполировать найденную драгоценную жемчужину. Церковь предлагает тут в руководители св. отцов, которые в своих творениях представили величайшие образцы выяснения христианства. Наконец, по примеру тех же св. отцов, должно пользоваться всеми возможными пособиями науки и философии. Через это еще резче и отчетливее предстанет перед духовным взором искателя истины все Божественное величие церковного учения, его полное, несравнимое даже превосходство пред всеми тусклыми и односторонними измышлениями человеческого ума и фантазии.

Не менее определенные указания можно найти и относительно того вопроса, как внести церковность в область своих чувств, как отнестись с точки зрения Церкви к тем односторонним порывам и стремлениям души и к тем страстям, которые переполняют и бурно волнуют нашу стихийную греховную природу. Если мир смотрит на все это равнодушно и даже считает аффекты и страсти полезными и необходимыми двигателями жизни, то Церковь повелевает непременно искоренять их со всей возможной энергией. Для Церкви чистота сердца и радостный духовный мир составляют высший жизненный идеал и главное условие необманчиво плодотворной практической деятельности. Далее Церковь предлагает целую систему борьбы со страстями, систему, проверенную многими опытами и запечатленную величайшими подвигами самоотвержения и пламенной любви ко Христу.

Множество аскетических произведений дают неисчерпаемо богатое пособие каждому желающему познакомиться с церковным опытом этого рода. В виде необходимого условия успеха борьбы Церковь повелевает предварительно отказаться от чувства горделивой самонадеянности. Она заявляет, что если человек будет полагаться только на свои личные силы, то его наверное ожидает неуспех и поражение: ибо враг несомненно сильнее его. По ее мысли нужно постоянно призывать высшую помощь Христа и Его святых с искренним признанием своего бессилия и своей греховности. Только при таком чувстве безусловного смирения возможны при Божией помощи победа над злом и приближение к той нравственной чистоте, к которой призывает Церковь каждого своего члена. Наконец, в продолжение всего трудного пути борьбы она предлагает в руководители пастырей и подвижников, у которых должно искать практического совета, помощи, утешения в печали и возвышения духа и через которых она подает свои спасительнейшие при всех падениях жизни таинства покаяния и

причащения.

Если мы перейдем от личной жизни к семейной, то и здесь услышим совершенно ясный голос Церкви об истинной цели и правильной постановке семейных отношений. Церковь безусловно запрещает браки ради одного личного удовольствия, по корыстным или другим посторонним соображениям. Она признает только одну цель – взаимную самоотверженную любовь ради славы Христа. В семье она желает видеть святилище, в котором воспитывались бы прежде всего верные Христовы слуги. Какова должна быть постоянно нравственная атмосфера в семье, какой религиозный характер должны носить все житейские мелочи ее в виду такой высокой цели – это уже в состоянии понять каждый, кто только искренне решится устроить свою семейную жизнь по церковному идеалу. Но, конечно, и у такого решившегося могут в семье встретиться такие недоразумения, в которых ему беспристрастно разобраться будет весьма трудно. В таких случаях, по указанию Церкви, необходимо авторитетное участие ее пастыря, который по самому званию своему обязан всеми силами оберегать семейное благосостояние своих пасомых, вникая в их душевные нужды и соглашая их взаимные неладицы. Как духовник, как учитель, как священнослужитель он имеет все возможные средства успешно действовать в этом направлении и является необходимым и руководящим членом семейства, устроенного на началах церковности.

Если обратим внимание на общественную деятельность, то, по церковному воззрению, она вся есть только многообразный подвиг любви к ближним во славу Христа. Всякие корыстные, властолюбивые и самолюбивые побуждения к ней – прямое ниспровержение основных требований Церкви. По смыслу последних каждый общественный деятель должен иметь в виду одно – помогать своим делом созиданию царства Христова, царства любви и истины, во внутренней и внешней жизни людей.

...Нам нужно от всей души молить Бога, чтобы мы поняли наконец, что все наше спасение как отдельных лиц, как общества, как государства, как целой народности – во внесении повсюду христианско-церковного духа и в руководстве нравственным авторитетом Церкви и ее представителей на каждом шагу нашей личной и общественной жизни.

Священник Георгий Кочетков: Приходские общины в православной церкви и потребности современного общества в СССР

Община и соборность

Эта статья о современных проблемах и задачах нашей церкви была написана мною в 1988 г. для сборника «На пути к свободе совести», вышедшего в издательстве «Прогресс» под редакцией доктора исторических наук Д.Е. Фурмана. Было еще доперестроечное для церкви время. Вызванный этим конфликт с редактором заставил меня снять статью, которая его вполне удовлетворяла. Но что Бог ни делает, все к лучшему, и я не жалею о том до сих пор. Позже стало известно, что текст статьи (вместе с приложением, отвергнутым Д. Фурманом) «переехал» на Запад, в Париж... Однако в печати он нигде не появился, даже под псевдонимом. Вот об этом приходится несколько сожалеть. Поэтому я и пользуюсь новой возможностью опубликовать как статью, так и важное для полноты восприятия ее текста приложение. Правда,

по прошествии этих лет у меня сложилось устойчивое ощущение, что основной текст и приложение поменялись местами. Но пусть об этом судят читатели. Особенно те, кто сейчас помогает создать наше православное просветительско-благотворительное братство «Сретение», и, конечно, те, кто живет в своих семьях-общинах.

Почти ни у кого уже не возникает сомнения – перестройка и гласность в нашей стране пошли столь далеко, что они не могут пройти без последствий для жизни как всего общества, так и отдельных его граждан. Уже сейчас, на первом этапе перестройки, перед христианами и христианскими церквами нашего Отечества открылись и продолжают открываться новые возможности, касающиеся и внутренней и внешней жизни. Впрочем, многие из них соответствуют вполне традиционным церковным потребностям и реалиям жизни, о которых просто забыли, ибо одни, например официальные культурно-просветительская и организованная благотворительная деятельность, были некогда искусственно отторгнуты от церкви и переданы другим социальным институтам, а другие, например та же помощь больным, бедным и страдающим, продолжали жить в ней, но под иными именами, или деформированно и видоизмененно, или скрыто, часто даже для самой церкви, как некоей целостности.

Однако в любом случае современный этап жизни церкви в СССР уникален. И вместе с новыми возможностями для церкви показать и раскрыть себя, свою жизнь он несет с собою ситуацию нового вызова самой церкви, своеобразного для нее экзамена на жизненность, прочность и верность себе и своему призванию. Но нам следует помнить, что на экзамене можно не только решить все предложенные задачи и тем самым хорошо показать себя, но и с позором провалиться. Поскольку церковь в своем объективированно-социализированном бытии не есть Сам Бог и потому не божественна, а человеческа, постольку это грозит и ей. Мы должны четко различать три смысла слова «церковь». Во-первых, это Церковь (с большой буквы) как мистическое Тело Христово, которое есть Богочеловечество и весь мир Божий, живущий по благодати. В ней поэтому нет иной власти, кроме власти Любви, и выше и старше в ней лишь тот, кто ближе к Богу во Христе. Во-вторых, это церковь (с малой буквы) как человеческая организованность и человеческое единство во имя Христа. Она человеческа, и в ней поэтому есть еще и административная власть, а выше обычно тот, кто занимает более высокую должность в церковной организации. В-третьих же, церковь может называться просто церковное здание, в котором бывает непосредственно связана церковь.>.

Но что побудило и побуждает наше общество и даже государство обращаться к церкви, своему единственному официальному оппоненту на протяжении всех семидесяти лет совместного существования? Что заставляет, пусть еще с осторожностью, оглядкой и оговорками, предоставлять церкви новые возможности? Ведь не только же внешнеполитическая ситуация и соответствующие ей диалоги и обязательства, как и – тем более – не только нравственные и соответствующие им внутриобщественные императивы. Ни для кого давно не секрет, что главную роль здесь играют прямо связанные с предоставляемыми церкви новыми возможностями общественные потребности, причем часто самые насущные, от удовлетворения или неудовлетворения которых зависит: быть или не быть этому государству и этому обществу. Как неоднократно говорил с первых дней своего правления М.С. Горбачев, перестройке и политике демократизации и гласности альтернативы у нас не существует. И это великая правда. Современные общественные потребности в нашей стране отражают самые глубокие требования нашей внутренней и внешней жизни, пренебрежение которыми в государстве и обществе способно привести в движение силы неотвратимой судьбы, силы рока. Поэтому все – и христиане, и неверующие – должны хорошо осознать и понести ответственность за возрастание духовности и ее укрепление в народе и обществе, за нравственное состояние общества и качественно новый уровень его культуры, за реализацию в нем духа взаимопомощи и милосердия, свободы, веры и любви, за развитие наук и искусств и за все стороны

государственного строительства. Все это может быть прямо связано с назначением и возможностями церкви. При этом ей лишь нельзя упускать из виду то, что в обществе требуется обновление и укрепление не только духовных и душевных сторон жизни, но и материальных (прежде всего – поднятие уровня жизни всего народа). А обществу, в свою очередь, важно иметь в виду и обратное – требуется не только укрепление его материального базиса, экономики, но и душевной и духовной его жизни.

Чем же церковь может ответить на новый для нее вызов? Есть ли у нее необходимые для этого силы и средства? А потребуются они, очевидно, в немалом количестве. На первый взгляд, это неразрешимый вопрос. Ведь церкви и самой хронически не хватает сил, в ней самой как никогда остро стоят те же проблемы, что и в окружающем мире, ей самой надо укреплять свою духовную жизнь, поднимать нравственный и культурный уровень своих членов, осуществлять взаимосвязь и взаимопомощь среди них по взаимной ответственности и любви. И если еще в недалеком прошлом церкви хватало хотя бы денежных средств на все дозволенные ей формы деятельности, то сейчас, с умножением последних, даже просто в связи с открытием новых храмов, монастырей и разного рода духовных школ, дефицит и сил, и средств сразу резко обнажился. Можно полагать, что дальше ей будет только тяжелее. Если такого рода дефицит свойствен сейчас почти всем организациям в стране, то тем более он понятен в церкви, которую долгое время как социально-чуждую в нашем государстве «планово и совместно» разрушали и, конечно, в отношении ее, церкви с малой буквы, на этом пути кое-чего добились. Поэтому-то теперь наша церковь с внешней точки зрения часто и бывает похожа на филиал инвалидного дома или дома для престарелых.

Итак, откуда же церковь может взять столь ей сейчас необходимые силы и средства? Здесь нужно дать еще одно предварительное пояснение. В церкви сейчас недостаток не вообще сил и средств, но актуализированных сил и средств. Потенциально она обладала и обладает большими средствами разного рода, поскольку все ее члены более или менее склонны к аскетическому самоограничению и жертвенности. Есть у нее в потенции и большие силы, что также не удивительно, ибо вся она состоит из хотя сколько-нибудь да верующих христиан, а, по Евангелию, «все возможно верующему» (Мк 9,23). Это говорится в отношении и актуальных и потенциальных возможностей. Но эти имеющиеся в церкви силы и средства часто и в очень большой степени уходят, не успев даже проявиться как следует. К тому же и используют их несогласованно и неэффективно, в результате чего они служат не собиранию, со Христом и во Христе, а расточению и распылению. Нынешнее тело церкви живет дисгармонично, а его члены, как неизвестные Кот Гофмана и Нос Гоголя, «гуляют сами по себе». Итак, для того чтобы церковь могла решить проблему своих сил и средств, ей надо их собрать воедино, выявить, организовать и верно направить на служение Богу и людям, как «своим по вере», так, по мере возможности, и всем остальным нашим ближним, отчего и в том, и в другом случае будет прямая польза всему нашему обществу.

Вышло как будто бы все просто. Только бери и делай – исправляй повреждения и недостатки, объединяй, собирай и толково организовывай. Но всякий, кто знает нашу церковную жизнь изнутри, в ответ на это только улыбнется, будучи абсолютно уверен в идеалистической утопичности такого замысла. И будет, увы, прав. Нам, всей нашей церкви, что-то серьезно мешает так думать и делать. Что же это? Попробуем хотя бы в первом приближении ответить на этот вопрос.

Конечно, у церкви есть и всегда будут внешние враги и помехи. Далеко не всем людям на земле, даже вполне честным и добропорядочным, как и далеко не всем, даже основанным на этих же принципах порядочности, человеческим объединениям и организациям хочется, чтобы церковь укреплялась, расширялась и служила Богу и ближнему (т.е. всем людям) так, как это

ей заповедано со времен ее основания. Несомненно, что в этом отчасти виновата и сама церковь, вызвавшая неприглядными страницами своей древней, средней и новой истории отталкивание и предубеждение против себя и всякого своего деяния, особенно в лице официальных своих представителей. Хотя есть, бесспорно, и много других причин недружественного отношения к церкви, в том числе Русской православной, проистекающих из того, что «люди более возлюбили тьму» и не хотят идти к Свету (Ин 3,19–20), или просто из того, что им ближе оказались только свои нехристианские культурные, национальные, социальные и прочие традиции и позиции.

И все же главные препятствия собиранию церковных сил и средств надо искать внутри самих себя, внутри самой церкви. Когда внутри нее все в принципе благополучно, тогда извне ничто не сможет одолеть ее (см. Мф 16,18), ибо тогда во всем главном и существенном она будет являть собою непобедимую Любовь и Свободу Богочеловечества Христовой Церкви (с большой буквы). Среди внутрицерковных препятствий в первую очередь надо назвать несогласованность между реальным устройством внутренней жизни нашей церкви и современными условиями и обстоятельствами жизни, окружающей ее. Другими словами, существует трагический разрыв между архаической и во многом отжившей формой устройства церкви, стилем ее внутренней жизни и характером и стилем той жизни, воцерковить, освятить и преобразить которую церковь призвана. К тому же нередко забывается, что христианство по своему призванию должно быть не просто традиционной «религией» с соответствующими ей учреждениями, а высшей жизнью во всей полноте и при этом жизнью с избытком (Ин 10,10).

В этом наша главная беда, а уже отсюда проистекает и множество иных церковных бед: это и непомерный расход сил и средств церкви на себя, на самообеспечение и самовоспроизводство, прежде всего на пышный внешний культ и его дорогих служителей (увы, часто именно служителей культа, а не Бога во Христе Духом Святым!); это и рассеянность «духовного стада», до членов которого «пастырям» – служителям культа часто вообще нет дела, если только они не помогают им обеспечивать все тот же культ; это и ставший уже почти традиционным духовный отрыв пастырей от паствы, поддерживаемый все более распространяющейся неправославной идеологией клерикализма или, пока в более редких случаях, антиклерикализма, и др.

Назвав нашу главную беду, мы теперь, естественно, должны сказать и о том, каково же имеющееся церковное устройство, что характерно для современного этапа церковной истории и каким должно быть наше церковное устройство на этом этапе, чтобы церкви иметь все необходимые силы и средства для нормальной внутренней и внешней жизни, в том числе для достойного и полного ответа на вызовы сегодняшнего дня.

Современное устройство Православной церкви в основе своей остается, как и много веков назад, церковно-приходским и жестко иерархическим (т.е. базирующимся на призвании хранить апостольскую преемственность «трехчинной иерархии» с тенденцией в сторону «четыречинной», под влиянием всякого рода западного и восточного папизма). Чтобы убедиться в этом, достаточно вчитаться в принятый на юбилейном поместном соборе Русской православной церкви 8 июня 1988 г. ее «Устав об управлении», который вошел в жизнь уже почти во всех частях нашей церкви. Что же такое приход? Согласно новому Уставу, «приходом является община православных христиан, состоящая из клира и мирян, объединенных при храме. Такая община составляет часть епархии, находится под каноническим управлением своего епархиального архиерея и под руководством поставленного им священника-настоятеля» (VIII,1).

Однако мы знаем, что не всякая христианская церковная община есть обязательно приходская община. Приход имел – а значит и может иметь – альтернативу в границах самой же

Православной церкви. Этой альтернативой является также «община православных христиан» (именно она часто называется просто общиной), но организованная несколько иначе, чем приход, а по ряду важных моментов, касающихся жизни поместной церкви, отношений с отдельными ее членами и внешним миром, даже ему противоположная (подробнее об этом см., например, в статье Николая Герасимова «Вхождение в Церковь и исповедание Церкви в церкви»// Вестник РСХД, 1979, № 128, с.41–85, особ. гл. III, «Поместная церковь-община и ее устройство», с.58–66).

В принципе, такая православная община, живущая по внутреннему принципу «люби Бога во Христе, а значит и всякого человека, и поступай и думай как хочешь», – это скорее живая единая христианская духовная «семья», «малая группа», которая стремится сохранить особый духовный Мир, свою Свободу и Единство с Богом и ближним, личностную Любовь к ним и сердечную Веру в них. Обычно она – не административная единица, которая всегда является еще и социальной институцией со своим «начальством», «законами» и т.д. Она не знает деления на клир и мирян, ее руководители избираются самой общиной из своих членов и поставляются в ней же. Она объединяется вне зависимости от наличия или отсутствия единого для всех ее членов приходского храма. Она – не часть, а церковное целое, если в ней, в единстве со всей Церковью, совершаются таинства, в том числе Крещение и Евхаристия. Ее единственным Главой, под «каноническим» управлением Которого она находится, является Сам Бог во Христе через дар и дары Святого Духа. Такая община внутренне уже может быть никак не связана с так называемым христианским государством и обществом, она может нормально жить, «плодоносить» и благотворить в любом государстве и в любом обществе. Ей уже не требуется окружение однородно христианского населения, размещенного на одной территории, в отличие от прихода, который только и может нормально существовать как административно-институционализированная единица в организованной системе христианской церкви в христианском государстве.

Приходская система сложилась главным образом в так называемый «константиновский» период церковной истории, длившийся со времен императора Константина Великого, т.е. с IV века, до 1917 г. (в нашей стране) и характеризовавшийся более всего особо близкими отношениями церкви и государства, стремившихся достичь в них «симфонии». Христианские же общины, как поместные церкви в полноте их кафоличности, существовали преимущественно в «доконстантиновский» период, начавшийся со «дня рождения» Церкви (а значит и церкви) на Пятидесятницу 30 года до IV века. Тогда церковь в государстве была непопулярным, а часто и прямо гонимым меньшинством. Но именно общины, а не приходы завоевали доселе непреходящий авторитет, который имеет в очах многих людей, даже нехристиан, первохристианство – несмотря на то, что доконстантиновский период жизни церкви был неоднороден с точки зрения форм церковного устройства и что эпоха гонений, особенно III века, резко увеличила в них роль жестко-иерархических структур (что во многом и подготовило почву для будущего перехода церкви на приходскую систему, который и осуществился после превращения христианства в «государственную религию» Римской империи в результате деятельности таких императоров как Константин и Феодосий Великие).

В XX веке почти все христианские церкви вступили в некий третий, «послеконстантиновский» период своей истории. Как и «константиновский», он, с одной стороны, несет в себе в снятом виде весь накопленный церковью опыт жизни в прежние времена, но, с другой стороны, является принципиально новым для нее. Это коснулось и внешней и внутренней церковной жизни. Вновь резко меняются отношения церкви и государства, церкви и общества. Церковь снова начинает ощущать себя меньшинством, если еще не по числу, то по результатам своего воздействия на умы и сердца людей в тех обществах и государствах, в которых ей приходится жить. Ее влияние подчас сохраняется лишь в быту, культурно-гуманитарной и

благотворительной сферах, т.е. отнюдь не в центре современной жизни большей части людей. И одна из главных причин этого – пережитки церковно-приходской системы, которые не преодолеваются ввиду общего оскудения Духа в людях, даже крещеных.

Но в ответ на это христианство (церковь) на современном этапе своего исторического развития стремится не просто к «аджорнаменту», т.е. к полному соответствию сегодняшнему дню с его спецификой и проблемами, оно ищет пути исправления своих старых ошибок и искупления своих старых грехов, вновь становясь «светом мира» и «солью земли» (Мф 5,13–14) всегда и для всех. Оно ищет ответы на все тупиковые ситуации человеческой жизни в наши дни и стремится указать людям на источники духовных сил, необходимых для их разрешения. Тем тяжелее церкви бывает слышать от людей небезосновательное «врачу, исцелися сам». Так мы снова сталкиваемся с проблемами церковного устройства, вернее, его соответствия требованиям современной жизни. И здесь всем уже должно быть ясно, что ни возврат к прошлому, будь то первохристианство или христианство константиновского периода, ни подчистка и реставрация имеющихся традиционных форм не смогут решить этих проблем. Требуется откровение и дерзновенное творчество внутри церкви, чтобы произошло ее обновление без обновленчества и реформа без реформации.

В Русской православной церкви первым шагом на этом пути, несомненно, должно быть возрождение целостности и полноты церковной жизни, особенно пострадавших в 20–70-х годах нашего века вследствие известного давления на церковь, когда ее хотели либо ликвидировать, либо уже окончательно превратить в «ведомство православного исповедания», занятое исключительно «удовлетворением индивидуальных религиозных потребностей», понятых только как «отправление культа». И прежде всего это возрождение должно происходить на уровне приходов-общин, что означает всемерное укрепление в них общинности, т.е. поддержку в них всех элементов жизни общины, опирающихся на неинституциализируемую личностность отношений всех их членов. Так надо начать в нашей стране вновь «собирать со Христом» Его Церковь. Без общинности же даже собранного в церкви удержать не удастся.

Это хорошо уже понято во всем, и в первую очередь традиционно-христианском мире, в котором начиная с середины XX века существует широкое общехристианское движение за создание разного рода и вида духовных общин. Вспомним хотя бы многие тысячи так называемых «базисных» или «базовых» общин в Римско-католической церкви. Судя по плодам их жизни и деятельности, нельзя не признать в этом особого знака Божьего благоволения.

Но были подобные устремления к общине и ранее. Вспомним и некоторые вехи в истории христианства «константиновского» периода, в которых явно проявилось желание церкви, христианских и околохристианских движений компенсировать утраченную общинность. Это и зарождение и развитие монашеских, а потом мусульманских <Поскольку они могут быть интерпретированы как гипертрофированная христианская антитринитарная (точнее, антинесторианская) иудействующая секта.> общин как реакция на современное им христианство, и подобная же реакция многих других, в том числе еретических или сектантских религиозных групп и церквей, не исключая разного рода протестантских. А у нас в стране это еще и старообрядчество, и русские неправославные «мистические» секты, и православные братства, сыгравшие большую роль при защите православной веры и жизни от агрессии на нее со стороны инославных и иных врагов церкви, когда силы иерархии были скованы, или подорваны, или когда их просто не хватало. Конечно, все эти явления не могли изменить характер церковного устройства в то время, да это прямо и не входило в задачу ни монастырей, ни братств. Во всех иных случаях возникал или углублялся трагический отрыв от самой церкви, что приводило к парадоксу: общины, призванные явить собою полноту церковности, именно от нее и отрывались. Сейчас же особенно важно, чтобы община явила и сохранила эту полноту,

став тем самым чем-то иным по отношению ко всем бывшим прежде в нашей стране христианским общинам.

Итак, просто очищение и укрепление одних старых форм церковной жизни, сложившихся в иных условиях и для своего нормального существования требующих тех условий, – не выход из церковных проблем и не ответ на вызовы нашего времени в нашем обществе. Так же как ни называй любой современный приход общиной, от этого в нем возможностей живого общения в христианском духе не прибавится и сила духа не соберется. Тем более, что община как особая духовная целостность в церкви не организуется, а рождается.

Конечно, принятие в нашей церкви того же нового Устава об управлении – факт очень существенный. Дело церкви сдвинулось в лучшую сторону. Было приостановлено распыление духовных и вообще церковных сил и средств. Несколько углубилась и расширилась церковная соборность, значительно возросла роль приходских настоятелей и тех активных клириков и мирян, которые находятся с ними в хорошем контакте. Но все же нельзя не видеть, что это пока что движение исключительно в рамках нашего традиционного церковного устройства. Максимум его возможностей – это увеличение числа и укрепление приходов, монастырей, духовных школ и прочих традиционно-церковных институций. Нужно ли это сейчас нашей церкви? Да, нужно. Но очень скоро, как мы уже говорили, и на это не хватит имеющихся в церкви сил и средств. И тогда не придется ли снова нам идти путем церковных «стяжателей», победивших в начале XVI века на Руси, а вместе с их идеологией возродить и их практику, вплоть до полуинквизиторской? Но стоит ли повторять свои исторические ошибки? Вот об этом и надо нам думать уже сейчас.

Даже если вскоре появится у нас возможность определять конкретные границы приходов, т.е. иметь внутрицерковные списки их членов, или диптихи, если будут проводиться регулярные и свободные собрания всех прихожан и от приходов, в первую очередь, а не только от правящего архиерея, неизбежно во многом оторванного от приходской жизни с ее конкретными нуждами, будет зависеть выбор служащих в них клириков – даже в этом случае общины еще не явятся и глубинные проблемы собирания в церкви сил и средств, в том числе для служения обществу, не решатся. Не будем обольщаться. Они также до конца не решатся и в том идеальном случае, если приход обретет подлинную духовную самостоятельность, т.е. освободится от всякого рода внешних и часто чуждых ему вмешательств как со стороны высшей иерархии, так и со всех других сторон, если он будет иметь возможность полной катехизации как христианских детей, так и начинающих свою христианскую жизнь взрослых, если он будет иметь свою библиотеку и прочее. Здесь надо учитывать, что рождение общин – дело будущего, что сейчас церковных общин, как поместных церквей в их полноте, в нашей стране нет не только в традиционных католических церквях, таких как наша Русская православная церковь, но и в протестантских и прочих инославных и сектантских объединениях (подробнее об этом см. в той же статье Н. Герасимова, с.73, а также в статье С.Т. Богданова «Священство православных и баптистов»//«Вестник РХД», 1983, № 140, с.29–60). Хотя нельзя не признать, что по уже выше названным причинам у них значительно больше, чем у нас, элементов общинного устройства. Этим, в частности, в значительной степени объясняются такие общеизвестные факты, как их более быстрое, в сравнении с православием, распространение в нашей стране и более успешное включение в благотворительную и всякую иную общественно-полезную деятельность, требующую не одних безличных денежных средств.

Но и в нашей церкви тоже начинают вызревать свои новые формы жизни, компенсаторно содержащие в себе элементы новой общинности. Это всевозможные неформальные объединения, возникающие везде, где есть хоть какая-то концентрация духовных сил, и стремящиеся их сохранить и умножить: объединения вокруг того или иного «духовника» его

«духовных чад», группы совместно паломничающих по монастырям людей, кружки друзей, собирающихся для последовательного чтения и обсуждения священного писания, экуменических, агапических, молитвенных, проповеднических и т.п. встреч и общений, а также группы людей, организующихся для совместной работы или служения. Церковь и общество должны быть заинтересованы в рождении и расширении подобных форм церковной жизни, ведущих церковь по пути обновления, а общество – к лучшей реализации прав и свобод и улучшению жизни своих граждан. Они могли бы этому процессу помогать, но пока достаточно, если они хотя бы не будут ему препятствовать. Лишь бы нарождающиеся духовные христианские церковные общины не приобретали сектантский характер, как это нередко случалось с ними в прошлом, во втором периоде церковной истории.

Общинность – несомненное благо для церкви и для каждого христианина. Но она уже сейчас сталкивается и, конечно, еще долго будет сталкиваться с серьезными внутренними и внешними трудностями, которые более всего связаны с известной исторической инерцией существующих, во многом тяжеловесных форм церковной жизни. Эта инерция утверждается и на некоторых продолжающих действовать церковных канонах, оформившихся в иную, а по выражению одного из крупнейших историков церкви профессора В.В. Болотова (+1900 г.), часто и не лучшую церковно-историческую эпоху; и на старообрядческих тенденциях в клире и народе, по неправославному принципу «до нас положено, лежи оно так во веки веков»; на недостаточной наученности и подготовке к полной христианской жизни подавляющего большинства членов церкви, в том числе занимающих важные иерархические места; на психологической инерции, лености, недостаточном смирении и дерзновении; на темном иррациональном страхе, в том числе ошибиться, и т.д. Отчужденность и оторванность от полноты церковной жизни многих представителей самой церковной иерархии, нередко зараженных мирским профессионализмом, бюрократизмом и конформизмом, а то и коллаборационизмом, также играет здесь немалую роль, рождая и укрепляя недоверие ко всему живому и новому в ней, в том числе и к общинности с ее творческим и свободным личностным духом, а в обществе вызывая недоверие к самой церкви и к ее возможностям, кроме, может быть, утешения бабушек, ухода за стариками и музейно-охранительской деятельности. Западные церкви, государства и общества уже нашли в себе духовные силы всякое недоверие в церкви и к церкви преодолеть, даже в тех странах, где государственно-идеологические органы осознанно или неосознанно по старинке считали, что всякое (и тем более через трудноконтролируемые и самоорганизующиеся общины) укрепление церкви принесет лишь вред их обществу и государству.

Последнее особенно важно. Ведь и у нас в стране до начала перестройки и даже до самого последнего времени, до празднования тысячелетия принятия Русью христианства, нередко можно было встретиться с недоверием к церкви со стороны влиятельных в обществе и государстве организаций и многих отдельных людей. Положение начало меняться, но не будет ли это означать признание и доверие только по отношению к официальным церковным структурам и учреждениям? Можно смело и безоговорочно утверждать, что общинность в церкви – безусловное благо не только для самой церкви, но и для нашего общества и государства. Ведь расцветшая в современном обществе секуляризация повлекла за собой массовую бездуховность, она же, в свою очередь, – если не внешнюю, то внутреннюю расслабленность его членов. А это привело к страшной, античеловеческой индивидуализации жизни, т.е. вывело общество на новую, воистину невиданную еще в истории степень объективации и охлаждения духа человеческой жизни. И нельзя не заметить, что это более или менее касается всех обществ и государств, которые пожелали выйти на высший уровень современной цивилизации, неизбежно подминающей всякую традицию (хотя и не всегда через насильственное разрушение ее живых носителей, символов и форм), в том числе всякую традиционную культуру и духовность. Стоит ли удивляться, что в первую очередь при этом

страдает наиболее утонченная и высокая традиция.

Индивидуализация и охлаждение человека породили и продолжают порождать тяжело переживаемое (и все чаще вообще не переживаемое) внутреннее опустошение, отчуждение от себя и своей жизни и часто доходящую до патологии деформацию на всех уровнях и во всех сферах человеческой жизни, в том числе духовной, душевной и телесно-физической. Так появились специфические для нашего времени и уже почти планетарные по масштабам новые проблемы личности, семьи, дружеского и братского общения, проблемы отношений на работе, отношений между социальными классами и группами, в том числе нациями и народами, проблемы отношений к природе и обществу в целом, к своим предкам, к потомкам и т.д. Об этом знают все, и здесь нет необходимости входить в подробности. Но не все еще осознают, что именно этим объясняется массовое стремление людей, особенно молодежи и интеллигенции, найти для себя и иметь не просто хорошую семью и «друзей дома», но и более универсальную среду обитания – свою малую группу, желание включиться в жизнь какого-то неформального или нетрадиционного объединения, в того или иного рода общину.

Такое стремление и было, и есть, и в не меньшей степени еще будет. Но не пора ли напомнить, что эти группы и объединения вдохновляются разными идеями, идеалами и духами, исповедуют разные веры и применяют слишком разные средства для самореализации, вплоть до антибожественных, античеловеческих и антиобщественных? Как здесь не возжелать христианства, основанного на высшей Любви и Свободе, призывающего всех к духовному братству, взаимной открытости и жертвенности, предлагающего человеку уже здесь, на земле, вкусить во внутренней и внешней жизни «правды, мира и радости во Святом Духе» (Рим 14,17), освобождающего его от рабства миру сему, т.е. «похоти плоти, похоти очей и гордости житейской»! (1 Ин 2,16).

Как иначе помочь молодежи, которая страдает от того, что она не только не управляема, но и не самоуправяема, которая не только не хочет, но уже и не может работать, которая часто уже не в состоянии нести внешнюю и внутреннюю ответственность за что бы то ни было, упорядочивать свою жизнь, не говоря о чужой, справляться со своими темными и разрушительными влечениями, в том числе сексуальными? Как иначе помочь устоять семье, которая распадается на глазах, в которой количество детей сокращается, а количество абортот растет; в которой уже невозможно найти отдохновения и утешения от ударов судьбы, которая часто уже не столько сохраняет, сколько разрушает своих членов? Только в нашей стране в 1987 г. было зарегистрировано 54 105 случаев самоубийства с летальным исходом, а в 1984 г. – даже 81 417 таких случаев (см. «Огонек», 1989, № 3, с.16).>, в том числе психически? Как иначе помочь школе, которая нередко теряет чувство меры и допускает насилие над душой, умом и совестью обучаемых, которая становится источником не столько просвещения и культуры, сколько обскурантизма и антикультуры? Как иначе помочь и нашему обществу, которое уже не в состоянии поддерживать и воспроизводить себя и желанные для него отношения, пока еще довольно часто совпадающие с нормами христианскими? Только Церковь, раскрывающаяся в свободных и обладающих каждая своим лицом семьях-общинах, может противостоять разрушению основ подлинно личных, искренне открытых и уважительных отношений между людьми. Только она может предотвратить рост «одиноким толпы», потерю чувства общности и построение себя на временной, поверхностной и «нечеловеческой», предметной основе. Только она знает, что нужно человеку, сердце которого томится и горит, но часто не тем огнем, склонному поэтому к пьянству, наркомании, проституции, гомосексуализму, уходу из жизни.

Если у людей отсутствует свой «положительный» идеал или личный жизненный интерес, кроме эгоистического, если у них разрушается и извращается вера, надежда и любовь, если их

представления о моральных ценностях частичны и поверхностны, если им ближе вседозволенность и произвол, вместо свободы, если люди теряют даже критерии различения лжи и правды, добра и зла, законного и беззакония, усилия и насилия, справедливого и несправедливого (несправедливого, неправого), духовного и душевного, если в людях расслаблена воля и они уже не в состоянии совершить ответственный выбор и освободиться в себе, в своей душе и духе, от разного рода смешений, если они легко идут на предательство даже близких друзей и родных, часто при этом и не думая причинять кому-либо зла, если они постоянно рефлектируют и оглядываются, будучи подавлены различными страхами, которые держат их в рабстве, если люди уже почти не в состоянии терпеть за правду, бескорыстно, глубоко, верно и вечно любить друг друга и друг другу прощать, то все это значит, что теряется сама основа жизни и мир с Богом и ближним. Могут ли помочь здесь обычные, лишь человеческие и земные средства?

Слава Богу, теперь все яснее становится, что никому самим по себе не решить духовно-нравственных и прочих проблем. Ни семья, ни школа, ни государство, ни какая-либо социальная группа, ни трудовой коллектив, обеспечивающие лишь развитие цивилизации, производительных сил и производственных отношений, также не в состоянии решить их. Это относится и к церкви как официальному институту. Всем нужна здесь помощь Церкви (с большой буквы) как явления в мире сем Духа и Истины, Любви и Свободы, Веры и Надежды, Света и Жизни. И, конечно, эта помощь не может быть сведена к одной благотворительности, которую могут как-то организовать и церковь (с малой буквы) и другие социальные институты, но которая не в состоянии пресечь социальных корней зла, приводящих все большее число людей ко все более ужасным страданиям.

Церковная благотворительность – лишь естественная реакция на уже существующее и вопиющее о себе страдание. Она может и должна проявляться всюду и по отношению ко всем, в первую очередь, конечно, по отношению к своим членам, которые тоже – члены общества. Если каждый приведет в порядок хотя бы свой дом, а по возможности и какое-то пространство вокруг него, это уже будет решением множества из названных и неназванных нами проблем. Но все же не это главное. Всемирный опыт уже показал, что успешное преодоление многих страшных язв и болезней общества и его членов, установление и воспроизводство подлинно добрых и любовных отношений человека к человеку, преодоление отчуждения, одиночества, лжи и страха реально и прочно _осуществляется не в официальных государственных и общественных институциях и не в современных полужыческих молодежных или интеллигентских малых группах и неформальных объединениях, а именно в разнообразных и свободных общинах, способных разрешить современные проблемы самих этих государства и общества, интеллигенции и молодежи. И чем ближе эти общины к христианским, церковным, тем лучше. Прямое тому подтверждение – всемирный по значению опыт «Ордена милосердия» матери Терезы Калькуттской, союза общин «Анонимных алкоголиков», успешно помогающих порвать с этим пороком, опыт «базисных» и тому подобных христианских общин, опыт матери Марии (Скобцовой) и т.д.

Итак, пусть перестройка в нашей стране в этом плане реально дала еще не много и церкви, и внутри нее, как это показал и новый церковный Устав. Пусть пока нет еще нового государственного законодательства о свободе совести <Эти законы были приняты: в СССР – в октябре, а в РСФСР – в ноябре 1990 года.>, как почти еще нет и новых «незастойных» кадров священнослужителей на всех уровнях. Пусть пока еще церковные приходы – отнюдь не самые демократические организации, из-за сохраняющейся жесткой, а подчас и жестокой, давящей христианский дух и смысл иерархичности и отсутствия в них в большинстве случаев даже элементарной общинности. Пусть время гласности в церкви пока еще только начинается. Пусть еще очень силен в церкви главный ее враг так называемое «требоисправительство», т.е.

слепое и механическое выполнение обрядов, служение культу, которое ни в чем и ни в ком не испытывает нужды, кроме «кадила и кропила», с соответствующим воздаянием. Но коли есть среди христиан явное сознание того, что подлинная демократизация и гласность, единство народа и общества необходимы не только обществу и государству, но и церкви, значит успех придет и «победа будет за нами».

Для церкви это означает движение к общине, состоящей из свободных личностей, и к их свободным союзам. А это, в свою очередь, и будет означать радикальное решение многих современных проблем нашего общества, удовлетворение многих его насущных потребностей и нужд, адекватный ответ церкви на новые вызовы и требования жизни в духе Любви, Свободы и Мира. В качестве конкретного примера уже существующих в нашей церкви общин (пусть еще и не в полном смысле слова, ибо в них не совершается Евхаристия) прилагаем их «принципы жизни», не являющиеся – что на наш взгляд очень важно – уставом.

Зоя Пестова: Поездка в Саров

Дневники, письма, воспоминания

Лето 1915 года

Злословящий отца или мать свою смертью да умрет! Чти отца твоего и мать твою.

Трудно мне писать воспоминания детства: горят передо мною эти слова! Не хочется вспоминать мое тяжелое детство, дела, слова и речи, которые сеялись в моей душе родителями, далеко тогда стоявшими от церкви. Грехи родителей терзали мою детскую душу; я все знала, я все понимала в свои 15 лет.

«А если бы не было такой обстановки дома, – сказал мне старец, – так ты бы и не ходила в монастырь, ты бы не прибегала бы к Богу, а вот с твоим горем-то ты и молилась».

Но в старости и перед смертью, пережив очень многое, родители мои каялись, пришли к церкви и умерли православными.

Старец говорил: «А раз они каялись, то Господь им простил. Все прощено и забыто. И вы должны все-все забыть и простить, раз Церковь их приняла. Ведь могло быть, что они бы не покаялись. Значит и вам все забыть, все простить надо».

Все прощаю, все хочу забыть, молюсь о них, взывая к Богу: да успокоит Господь души их! Если невольно в моих записках будет осуждение, то только потому, что я пишу правду, что иначе написать нельзя.

Мне было 16 лет, когда я решила, что мне необходимо ехать в Саров, побывать у старца и определить свой дальнейший жизненный путь. Через полтора года я должна была кончить гимназию. Отец, а особенно мама внушали, что необходимо учиться дальше и получить высшее образование, чтобы быть самостоятельной, ни от кого независимой и богатой душой и карманом. Но куда идти учиться? По всем предметам «пять», я первая ученица в классе, а особого таланта нет. «Специальность – как брак, – говорит папа, – сам выбирай, чтобы потом ни на кого не пенять. Жизненные ошибки даром не проходят».

Отец был доктором, и на эту специальность идти он не советовал. «Мне жаль твоей душевной чистоты: ведь медики все развратники... Да при твоём слабом здоровье да жалостливом сердце

ты каждого покойника будешь оплакивать! Добрые дела делать можно везде, надо крепкие нервы иметь, а ты людей жалеешь!...»

Отец меня очень любил, знал, понимал, поддерживал все хорошие начинания, давая денег на бедных и выполняя мои просьбы кого-либо посетить из больных или положить в больницу. Я «обожала» отца, прощая ему все, все его ошибки, заблуждения. Так могут любить только дети: прощать все! С мамой я была далека, но ее самостоятельность (у нее был зубоучебный кабинет), ее независимость мне нравилась. В те годы (начало 20 столетия) «свободолюбивые женщины» уже входили в моду. Отец с матерью были в фактическом разводе, но семья еще как-то сохранялась. Связующим звеном были дети и невозможность развода. Отец явно тяготился семьей и ждал, когда бы поскорее подросли дети. Ждали революции. Шла первая мировая война (1914-1919 гг.). Надвигались политические события, общество было «за» и «против», и мы, гимназистки, уже судили и рядили о событиях в стране.

В 15 лет я хотела быть убежденной православной христианкой. Это шло вразрез с мировоззрением моих родителей и окружающего меня общества, интеллигенции захолустного города. Тогда, в 15-м году, верующими считались все, но я не помню ни одной семьи, где было бы Евангелие как основа жизни. Семейными неприятностями я была измучена и только в храме соседнего женского монастыря перед иконой преп. Серафима Саровского находила утешение в моей недетской скорби. Никто так не страдает от ссор родителей, как дети!

«Сдвинуть» меня с Евангелия было уже нельзя. Родители были недовольны моим «увлечением» религиозными вопросами, чтением книг, моей подругой из семьи священника, и каждый из них старался «образумить» меня. Страшно вспоминать антирелигиозные высказывания, которые мне надо было слушать и после которых я убегала в церковь, скорее очиститься – исповедоваться и приобщиться Святым Таинств. «О чем Вы плачете?» – спросит меня батюшка о.Алексей на исповеди. – «Ссорюсь с родными». Не могла же я на исповеди жаловаться и рассказывать семейные сцены, возмущавшие всю мою душу. Я не могла разобраться, кто виноват из родителей.

В семье не было ни мира, ни любви; нас, детей, не берегли от сцен, от брани, от слез и скандалов. Сестра воспитывалась в институте, а я и брат (на два года младше меня) не знали покоя в семье. Часто отец мне напоминал, что когда мне было 3 года, я болела скарлатиной и надежды на выздоровление не было. Папа пошел ко всеобщей 6 декабря на день св.Николая и, встав перед иконой, плакал навзрыд, вымаливая мне жизнь. «Если бы ты только видела, как я просил Николая Угодника оставить мне тебя!» – говорил отец, и всегда со слезами. В спальне у отца висела икона, но я не видела отца молящегося. Но бывало, он посылал меня подать «за упокой» своих родных, давал мне на свечи и на нищих, прислушивался к снам, принимал «со святом» приходского священника, в пост 1, 4 и 7-ю недели не было мясных блюд – так что назвать моего отца неверующим нельзя. Вот одно его стихотворение, посвященное мне:

«Ночью захожу я в комнату твою
Посмотреть, как спит дочурка дорогая,
А потом я встану на колени,
горячо молю: Сохрани ей жизнь,
о Мать Пресвятая! Ты вложи ей в душу
благородство, К людям состраданье,
Укрепи в ней разум, дай ей справедливость.
Вот мое желание, вот моя молитва,
Ты услышь, Владычица, окажи мне милость!»

Отец был с 2 лет сиротой, воспитывался в пансионе. Он сам рос не в семье и, создав свою, тяготился потом ею. Только первые годы они жили хорошо, а этих лет я мало помню, но все же эти малые воспоминания согревают душу. В годы, когда мне было 14-15 лет, отец безжалостно восставал против моего «увлечения христианством». Он боялся за меня – а вдруг я уйду в монастырь, а вдруг сойду с ума. Он умолял не поститься, не ходить на раннюю обедню, больше

есть и спать, беречь нервы и как-то совсем не сознавал, как я страдала от его насмешек и всяких обидных слов над тем, что было мне свято. Семья жила зажиточно, и мне отец давал деньги на наряды, на кино, на театр и на бедных. Я сама не была аскеткой и ходила на спектакли, в кино, возвращаясь домой, с тревогой думала: «Что там делается?»

Свою маму в эти годы я не любила. Истерзанная семейным разладом, она была очень нервная. Ее отношение к религии было внешнее: она и обряды выполняла, и лампадки зажигала, и заказывала икону «семейную», и оклады на образа... Ах, как хотелось ей любви отца, какая она бы была семьянинка и хозяйка... Как она заботилась об отце и о нас! С годами она стала болеть, характер ее и поступки граничили с характером душевнобольной и глубоко несчастной женщины. Она была красивая, энергичная и очень дельная, любила свое дело и хорошо зарабатывала, имея зубоучебный кабинет, но болезнь ее подкашивала. «Каждая несчастная семья несчастна по-своему», и детям тяжелее всего!

«И бесы веруют и... трепещут». Мама, мама жила по своей воле, так далеко от религии и церкви. Я училась в женской гимназии. С 5 класса я была первой ученицей, все «пять» по всем предметам. Память у меня была отличная, и устные уроки, прослушав в классе, я уже не учила. Много я читала дома и в 15 лет прочла «Братья Карамазовы». Образ Алеши поразил меня. Я решила, что я найду такого Алешу в жизни. «Великий Инквизитор» меня потрясал, и я верила, что так будет.

Я поняла, что свобода не во внешней жизни, а в духе, и уже не интересовалась героями революционерами, которыми восхищался отец: Гершуни, Фигнер, Засулич, Желябов для меня были безумными и преступниками. А вот старец Зосима... Найти такого в Сарове стало моей мечтой... Вот у кого надо спросить о жизненном пути! В гимназии преподавал Закон Божий отец Николай. Это был добрейший учитель. Он часто со мной беседовал, давал мне читать Иоанна Златоуста. Но в 14–15 лет по силам ли такое чтение? Ходил он в темно-зеленой рясе, золотой крест украшал грудь. Его каштановые локоны так шли к его голубым глазам. Он стал для меня примером кротости и всепрощения, когда я узнала в 30-м году что он сослан в Сибирь и там спасается.

В классе я была любимицей и очень этим была довольна, старалась всем двоечницам помогать и «вытаскивать» к ответу. Я дружила с лучшими ученицами, но особенно мне нравились «особенные», я их искала, старалась узнать, чем живет их душа. Вот Шура - высокая белокурая девочка. Она точно светится вся! Еще бы! У нее отец священник. Отец Михаил из деревни Тимохово, популярный, и друг о. Иоанна Кронштадского. (Зеленецкий погиб в лагерях.) Шура танцует? Да, отец ей сказал, что можно в 15–16 лет. «Всякому овощу свое время». Это не грех. Мы юны и молоды. Надо «духовно дорасти, чтобы самой не хотелось танцевать». И я танцую с Шурой «падеспань» на школьном балу (год-два, и Шура умерла чахоткой).

Все девочки были номинально верующие. Соблюдение постов, пожалуй, было самое главное. Евангелие сам никто не имел и не читал. Мечтали выйти замуж за богатого купца и выходили в 16 лет. Участь большинства была одна - идти в сельские учительницы и провести жизнь в глуши и тоске, бедности и одиночестве. Хотели бы «учиться дальше», ехать в Москву или Питер, но плата за учение, жизнь дорогая... да и война шла и надвигалась революция. Я мечтала учиться дальше, но кем быть? И мать, и отец в этом меня поддерживали, отец обещал помогать платить... но ведь и семья без меня распадется... «Скорее бы!» - мечтал отец. «В Сарове я разрешу этот вопрос», - мечтала я и просила родителей отпустить меня.

Монастырь

Наблюдай за непорочными смотри на праведного.(Пс 36, 37)

Я часто ходила в монастырь на всенощную и обедню и приобрела там друзей – монахинь, которые наперебой приглашали меня к себе после обедни «попить чайку» и побеседовать о духовном.

Одна из старших монахинь очень меня любила. Звали ее матушка Еванфия, лет 50. Она жила в монастыре с 17 лет, отказавшись выйти замуж и полюбив более всего «Небесного Жениха – Христа». Наш монастырь на 600 человек имел свое хозяйство, поля и луга, скотный двор и огороды. Все работы несли молодые, даром, «по послушанию».

«Послушание выше поста и молитвы» – это было правилом монастыря. Молодые монахини жили при старых в одной келье. Матушка прожила так 30 лет с одной монахиней, как с матерью. «Не ссорились? – спрошу я. – «Было, было и недовольство, но надо было научиться смирению, терпению и кротости – это тоже большая наука, но любящим Бога все ко благу: поплачешь, помолишься, да и бух в ноги. Простите! И опять мир». – «Да у нас в миру этого нет и быть не может, – отвечу я, вспоминая свои ссоры с родной матерью. – А хотелось бы Вам в мир?» – «Нет, никогда, как с радостью приняла пострижение. Вот из дома приедут родные да порасскажут про свое мирское житье, – сколько там зла, скорбей, неправды, шума и ссор, а здесь, в монастыре-то, у нас мир и благодать, любовь и спасение души для вечной жизни». «Все тлен, – любила повторять матушка Еванфия, – а душа вечна и пойдет на суд Божий, как прожита жизнь? Что ответишь, если душу свою погубишь?»

Теперь, в старости, у нее было одно послушание – она была привратницей, жила в келье у ворот, никуда не отлучалась и ключи от ворот носила с собой – это были большие два ключа. На службы в церковь ее отпускала «напарница», молодая хромая монахиня, помогающая во всем матушке. Все монахини свое послушание ревностно берегли и выполняли. Монахини были все прекрасные рукодельницы и охотно научили меня всяким своим рукоделиям. Делали они даром для всяких благотворительных лотерей изящные вещи. Пяльцы, вязание, вышивание золотом и шелком было их трудом. Брала и заказы, так как не ущемлялось желание заработать, лишь бы «послушание было сделано». Безделие считалось грехом, но, конечно, в праздники не работали.

«А мне бы какое дали послушание?» – спрошу я. – «Если голос есть, то в певчие, на клирос». – «Нет у меня голоса, всегда кашляю». – «Посох у игуменьи носить бы стала, или в канцелярию, или в рукодельную, в иконописную». Вздохнула я: «Это на всю жизнь?!» – «Да, надо твердо решить, чтобы и себя, и монастырь не осрамить! Монашество – это брак с Христом. Спасителя полюбить больше всех и вся».

Да, матушка Еванфия сама так и любила Христа и вела строгую аскетическую жизнь в подвиге и молитве. Вера ее была проста и крепка. Бывало, расскажешь ей свое горе, а она в ответ: «А Николай Угодник на что? Обратись к нему, проси его, он тебе и поможет». Все святые и преподобные были для нее живыми друзьями.

«Верь, что услышана будет твоя молитва! Значит, потерпеть тебе надо, значит, для спасения твоей души надо!» Сама она молилась о моих скорбях. Вместе мы решили ехать в Саров. Монастырь наш разогнали в 1928 году. Матушка умерла семидесяти шести лет в 1930 году. Упокой, Господи, ее душу!

Учительница моя

К святым, которые на земле, к дивным Твоим, к ним всежелание мое.(Псалом)

Была у меня большая детская скорбь. В четырнадцать лет (5-6 класс) я летом брала частные уроки французского языка у одной учительницы гимназии, ведущей немецкий язык, Н.Д.К. Ей было двадцать два года, она недавно кончила с шифром (бриллиантовая медаль императрицы Марии Федоровны) институт. Ее можно было видеть всегда в монастыре перед иконой преп.Серафима Саровского. Никуда, кроме церкви, она не ходила и слыла «аскеткой», монашкой. На уроках она шутила со мной и вовсе не была «сумасшедшей», как ее называли у нас в доме.

Я видела веру без колебаний и сомнений; я видела, как она стояла и молилась в церкви. Она вся была как горящая свеча перед Богом. Строгая, скромная, умная, убежденная, идейная, непоколебимая в вере – так ее характеризовали верующие. Она первая раскрыла передо мной Евангелие и прочла мне притчу о сеятеле. Зерно упало на добрую почву, и начала расти моя симпатия, моя любовь к этой необыкновенной девушке. У нее были большие серые глаза и задушевный мягкий голос. Бывало и спорить мне с ней хочется, и не могу я согласиться с нею, и сто вопросов – почему да отчего – ей задаю. Но пришла осень, кончились уроки, и родители восстали против увлечения. «Ты ведь любила учительницу рукоделия! Ведь Наталия Дмитриевна ненормальная! Она тебя аскеткой, монашкой делает!» На голову моей дорогой сыпались оскорбления, упреки, насмешки, и я только мечтала увидеть ее!.. Дословно списываю ее первое письмо ко мне, сохранившееся у меня в жизни:

«Дорогая Зоя, Вы просто глядите на вещи одним левым глазом и вольною волею отрицаете существование половины явлений в мире. Почему? И не логично, т.е. если отрицать, так уж все в данном случае. Послушайте! Ведь теперь еще нет в мире ничего вполне объяснимого. Если Вы привыкли вдумчиво относиться ко всему окружающему, Вы не могли не поразиться тем, что ни один самый знающий ученый не может дать Вам ответ положительно на многие первостепенной важности вопросы.

Пока плаваем на поверхности – будто что-то знаем, как только коснемся основ – признают бессилие разума. Возьмем примеры. Почему слюнные железы выделяют слюну, а железы желудка выделяют желудочный сок? А еще многие другие, и так далее... Наука не решает такие вопросы и всякие выделения желез называет секретом желез. Возьмем мир растительный. Почему, объясните мне, посаженные рядом два крошечных зернышка яблони и березы выбирают из земли один одни, другой другие соки? Возьмите чудную розу и тот ком земли, из которой она выросла. Все Вам здесь понятно? А если все, то посоветуйтесь с кем-либо и состряпайте Вы сами розу.

Попытки создать самим живое существо, чем занимался Фауст у Гете, не увенчались успехом ни в одной современной лаборатории. Ведь не я одна, но великие люди признают, что все явления в мире чудеса, лишь с той разницей, что одни чудеса повторяются ежедневно и мы к ним привыкли, другие повторяются редко. (Если было бы чаще, то мы тоже бы привыкли и перестали их замечать). Мы их не понимаем, но, странное дело, – почему-то даже отрицаем! Почему это? А?

Вы вообще, дорогая Зоя, бродите вокруг духовного мира, не имея ключа войти в него. Вы натываетесь на духовные явления, но не знаете, какой меркой мерить их. Вы можете отрицать их, смеяться над ними, но они существуют независимо от этого. А на Вас блестяще сбываются слова апостола Павла: «Душевный человек не понимает того, что от духа, т.к. это кажется ему безумным».

Ну подумайте, ведь было бы смешно, если бы Вы, не видя сроду рояля, засели бы играть и захотели сыграть Бетховена. Сколько бы Вы ни колотили по клавишам, Вы бы все-таки не сыграли, не раскрыли его прелести. Чтобы войти в мир звуков, нужно знать известные

приемы... Как же Вы хотите вскочить без всякого приготовления в тот мир духовных явлений, который составляет целую половину жизни человека? Или, по-Вашему, нет этого мира? И наши души болтаются в наших телах, как горошина в пустой банке?

Для того, чтобы видеть солнце, я должна повернуться к нему физиономией и раскрыть глаза. Чтобы увидеть источник духовного света, я должна раскрыть свои духовные очи. Это делается у людей грамотных чтением и молитвою, у неграмотных – устным оглашением их и той же молитвой к Тому, кто Один отверзает ум разуместь писания (Лк 24, 25). Так как Вы принадлежите к разряду грамотных, я шлю Вам для серьезного просмотра книгу. Если Вас интересует многое – найдете ответы. Если нет – не читайте. Нет, впрочем, читайте, во всяком случае потерять от чтения таких книг ничего нельзя, приобрести же, при желании, – очень многое. Я больше чем уверена, что Вам эта книга понравится и своей глубиной, и ясностью изложения. Читайте на духовное здоровье. Ну, всего хорошего!

Врачу, исцелился сам!

Н.К.

Если не ошибаюсь, то книга эта была епископа Феофана «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться».

Итак, чтение книг духовного содержания, чтение Евангелия и посещение церкви и молитвенное правило в моей комнате стало мне необходимо.

У меня была большая своя комната. В углу киот с образами и всегда зажженная лампада, на ночном столике Евангелие и какая-либо книга. Но отец следил за мной и, конечно, читал мой дневник, полный восхищения словами Натальи Дмитриевны.

«Новое твое обже (обожание)! А ты лучше прочти (автор), сходи в библиотеку, возьми Ренана, прочти вот этого автора». Повинуясь, чтобы не вызвать раздражения, я сама шла в библиотеку, брала и читала. Нет, не нравились мне книги! «Ну что, интересно? Поняла, кто был Христос?» Начинался разговор. Я была так молода, так любила, так любила отца, что спорить и дискутировать с ним я не могла: боялась я, что еще 5–10 минут, и он скажет что-либо страшное для души. Где мне было тягаться с ним, с его запасом всяких научных атеистических доводов. А их у него было так много... «Папочка, ты бы прочел Евангелие... ты бы полюбил Церковь», – робко скажу я. – «Я все знаю, я все понимаю, слушай меня, я боюсь за тебя, ты мое счастье, я не переживу, если... если...» На глазах слезы, голос дрожит, глухо кашляет в своем кабинете. Очень я его огорчала! Очень... очень... А я все же иду к обедне, ко всеобщей, к матушке Еванфии.

Отец был председателем педагогического совета в гимназии, и, конечно, начальство знало влияние Н.Д. на меня. Это было для Н.Д. опасно: вольнодумство не поощрялось. За мной стали и другие ученицы обожать Н.Д., причем ученицы-то самые лучшие 5–6,7 класса. С горестью и недоумением я видела, что Н.Д. сторонится меня и ни книг, ни бесед уже не было.

А причина та, что наша семейная обстановка была известна всему городу. Досужие кумушки разносили сплетни. Плохая семья! «С кем вчера гулял твой отец на бульваре?» Стыд жег мои щеки. Я замыкалась в себе и бежала в монастырь к м.Еванфии. «За что меня не любит Н.Д.?» – вопрошаю я в своем дневнике. По всем предметам «пять», а за немецкий всегда, за все ответы «четыре». Знаю, знаю, угадываю! «Может ли что доброе быть из Назарета?» А я..., а у нас бедлам (сумасшедший дом в Англии). Может ли что доброе быть из Бедлама? Я грущу, вздыхаю и завидую Лизе. Да, я росла в обстановке очень тяжелой.

Лиза

Она была годом старше меня и на класс ниже меня. Наталья Дмитриевна считала Лизу своим маленьким лучшим другом. Лиза была краснощекая, крепкая, курносая девочка из крестьянской семьи, живущей в деревне. Отец чем-то торговал, привозя гастрономию из Москвы. У нее была густая рыжая длинная коса и блестящие круглые глаза. От всей фигуры веяло дородностью, деловитостью.

Она была в классе первой ученицей, но всех чуждалась. Учение ей давалось легко. Говорила она отрывисто, бойко, не стесняясь в выражениях. Она следовала во всем за Н.Д. Ее можно было видеть и в церкви, где была Н.Д. Она во всем подражала ей – как ходит, как стоит, как говорит Н.Д., сходство было поразительно. Н.Д. поклон, и Лиза поклон. Н.Д. снимет в церкви шляпу, и Лиза тоже. Н.Д. поставит свечку, и Лиза сейчас же сделает то же самое. Лиза соблюдала все посты, хотя не скрывала, что черного хлеба съедала буханками. Одевалась в черное, ходила с глазами, опущенными вниз, не читала светских книг и, конечно, как Н.Д., не ходила ни в кино, ни на спектакли, не танцевала; говорила мало, а с некоторыми девочками и совсем не разговаривала.

«Святоша! Монашка! Юродивая! Ханжа!» – смеялись над ней. Несмотря на посты и службы, она была здоровая. Так вот и казалось, что сейчас прыснет смехом. Что все это в ней наигранное, не ее... А она только и глаза поднимала, чтобы увидеть Н.Д. Перед уроком немецкого языка Лиза никому, а тем более мне, не даст зажечь лампаду перед образом, всех оттолкнет: «Не так, я сама!» Н.Д. войдет в класс, посмотрит на икону, невзначай что-то шепнет Лизе. А мне тяжело, обидно: со мной давно ни слова, ни взгляда. Даже и спрашивать перестала, как я руку ни тяну, а Лизу 5–10 раз за урок спросит (уроки 5–6 классов шли вместе, так как учились немецкому языку не все).

Я стала дружить с Лизой, но никаких разговоров о Н.Д. Лиза со мной не вела. Думаю, что это был их сговор (лет через 25 я как-то услышала от Н.Д.: «Лиза как дочь мне, я ее родила, я ее люблю»). И разговор навсегда был окончен. Ни слова осуждения!).

Все мои дневники того времени были заполнены разговорами с Лизой об аскетизме, о монашестве, о молитве Иисусовой. Она, Лиза, была за аскетизм, за отказ от всего мирского. Лишь бы спасти свою душу для Царствия Божия. А остальное не мое дело! Я же выдвигала альтруизм и желание положить душу за «друзья своя». Здесь было скрытое влияние отца, рассказы про революционеров, каторжан. Ведь в студенческие годы отец увлекался революционными теориями и «преклонялся перед каторжанами», как говорила мама.

Отец числился еще и тюремным врачом, и хотя в тюрьме города сидели только уголовники, отец жалел их и всегда говорил, что «все друг перед другом виноваты». Я как-то носила передачу в тюрьму. Отец уже в эти годы не вел переписку с «товарищами» и сжег все их письма, но, как многие, ругал царское правительство и ждал революции, когда будет... о чем только он не мечтал!... Ох, его мечты!

«Напеки пирогов, сходи на самые окраины, там где живет беднота!» – говорил папа. Я пекла пироги и выискивала бедноту. Мать меня ужасно напугала этими лачугами, накричала на отца, и филантропия моя кончилась. Я сама искала какого-то подвига, стала думать, как бы помочь на войне, и отец нашел выход: дал работу, набрав конвертов, бумаги, марок. Я ходила в больницу и писала письма в деревню солдатам, которые лежали в больнице. Это отец воспитал во мне участие к людям, и я считала, как и он, что аскетизм – это эгоизм.

Раз в неделю отец вел бесплатный прием бедноты. Вот и были у меня с Лизой разговоры, чем и

как спасти свою душу. Душеспасение Н.Д. и Лизы шло быстрыми темпами. Слухи шли, что они приступают к св. Причастию чуть ли не ежедневно. Это производило сенсацию в городе не только среди купцов и интеллигентства, но и среди духовенства. А в городе 25 церквей и три монастыря – можно скрыто ходить. И опять слухи, пересуды: «Это ересь! Это не по-православному! Н.Д. смущает учениц, улавливая их в религиозные сети». Н.Д. и сочли бы сектанткой, если бы не знали, что местный архиерей благоволил к ней (Иосиф Петровых). «Владыка приехал!» – восторженно шептала мне Лиза. Звонили колокола. Владыка совершал богослужение с пышностью и торжественностью. К святой чаше подходили только Лиза и Н.Д. А когда Владыко служил для себя, то Лиза читала и пела за псаломщика, а Н.Д. подходила одна. И за стол Владыка их приглашал. Но ведь таких, как Н.Д., в городе и не было.

Меня мучила детская зависть, но я не хотела слепо следовать Н.Д., как Лиза, и не хотела отказываться от светских удовольствий к радости отца, боявшегося «ереси» Н.Д. В 15 лет я была бледная, худая девочка. Почему-то я не любила есть и ела мало, никакие сладости меня не интересовали, но красиво одеться я любила. Сине-голубое платье так шло ко мне. «Девочка-фиалочка» – назвал меня кто-то, и я уже заглядывала в зеркало на себя.

А Лиза шила черное платье, готовясь идти в монастырь. Она уже и четки себе приготовила и про себя творила Иисусову молитву – в 16-то лет! А?

Отец же поучал меня, что смысл жизни в «неустанном делании добра...» За что он не любил мать? Почему при нас, детях, он говорил, что не дождетя, пока мы вырастем?! Как он мечтал о другом. Тяготился семьей. Здоровье мое было слабое, и отец не раз со слезами на глазах уговаривал меня отдохнуть, гулять, есть. Я огорчала его своей худобой и кашлем. «Какое у тебя раннее духовное развитие! – ужасался он. – Я в твои годы только и думал об удовольствиях. Почему ты так настойчиво желаешь ехать в Саров? Видно, там ты найдешь себе какую-нибудь трагическую смерть». Он пугал и себя и меня. «Мне надо найти свой жизненный путь», – твердила я.

Мы с Лизой решили ехать вместе. Это было в июле 1915 года.

Да даст тебе Господь по сердцу твоему, и все намерения твои да исполнит (Пс 19, 5).

Меня отпустили в Саров с Лизой и двумя монахинями, одна из которых была матушка Еванфия, а другая до того молчаливая и тихая, непрерывно перебирающая четки, что можно было подумать, что она глухонемая, – матушка Варсонофия.

Отец был очень озабочен, давал мне советы и наставления, со слезами крестил меня на дорогу. Я обещала ему не купаться в холодной воде – ведь я всегда кашляла. Мама была рассержена и пугала меня случаями на тему, что может случиться, приводя страшные трагедии.

Долго мы ждали парохода у пристани. Я помню, что читала книгу Арндта «Об истинном христианстве», сидя на бревнах у воды. Боялась, не пришла бы мать взять меня обратно. Н.Д. пришла проводить Лизу, и они сидели вдвоем наверху горы, на бульваре, мирно беседуя. Подойти к ним я не посмела, меня туда не звали и не сказали ни слова – обидно мне было и завидно Лизе, да... насильно мил не будешь!

Дружбой со мной Лиза гордилась. Я с ней советовалась в учебных делах, иногда она поправляла мое немецкое изложение; я защищала ее от нападок одноклассниц, она бывала у нас дома. Я извиняла ее резкость деревенским воспитанием, но преклонялась перед ее отданностью церкви и подражанием во всем Н.Д. Ее духовное совершенство, как я считала, было необычайно идейно, глубоко, куда мне с моими сомнениями, с моим общительным

характером, я не аскетка, я люблю природу, стихи, ищу интересных душою людей, спорю с девочками о смысле жизни, мне много неясно, я хочу много знать! А у Лизы – все ясно, ничего не надо, кроме спасения души. Вот только у старцев в Саровской пустыне испросить бы благословение на частое-частое причащение св.Таинств и на монашество.

«Давай останемся!?» – «Нет, я домой вернусь!» – отвечаю я. – «Всякий, озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия!» – изрекает Лиза. Она цитатами из Евангелия и псалмов так и сыпет в ответ. Едва мы сели на пароход и вошли в каюту, как Лиза распределила места. А я думала, что матушка Еванфия будет за старшую. Обе они устали, весь день ожидая на пристани сильно опоздавшего парохода, и быстро уснули.

Мы зажгли восковые свечи, взятые с собой, и читали Евангелие. «50 поклонов!» – сказала Лиза. – «Не могу, устала, голова болит!» – я почти засыпала. – «Разнюнилась! А еще в Саров едешь, сидела бы дома!» – обрезала Лиза и стала отшибать поклоны на восток.

Утром стал вопрос о еде. Мы все набрали с собой хлеба, сухарей, яиц и прочих немясных запасов, так как время было военное, все дорожало и на пароходе все было дорого. Лиза распорядилась съесть сначала мое. «У меня консервы, яйца на обратную дорогу пойдут еще, все будем есть потом, после». Свой тяжелый рюкзак она спрятала подальше. Пили чаек с ситным. В обед взяли в кухне на пароходе щей да картошки.

«Плати ты – ты самая богатая из нас. Хватит с тебя! Хлеба черного ешь побольше!» Сама она съедала огромные куски и смеялась надо мной: «Плюшек нет здесь, привыкла-то к бульону да котлетам, вот и голова болит... Ну и лежи! Неженка!»

Я только ежилась от такого обращения, стараясь помогать старушкам монахиням во всем, держалась с ними ближе, и они уговаривали меня пообедать одной в столовой, не стесняясь их. Я брала обед, но ели вместе. Матушки были расположены ко мне больше, чем к Лизе, и Лиза старалась избегать их. Сидя на палубе, она то и дело вставала, крестясь на церкви, белеющие на берегах Волги.

На палубе ехали раненные солдаты. Публика слушала их страшные рассказы о зверствах немцев, о тяжелой доле солдат в окопах. Как им всем хотелось домой к своим женами и детям, в свою деревню, к своему дому. Свои раны они считали счастьем, которое, может быть, освободит их от убийств и смерти. Это были пожилые бородатые крестьяне.

А молодые были озлоблены и ругали офицеров и царя. Революционный дух уже веял везде, недовольство народа уже выражалось ясно. Кто-то отдавал жизнь, а кто-то (я знала кто) разживался на войне. Через два дня доехали до Нижнего Новгорода и ночевали в монастыре.

Сидя у окна в эту июньскую теплую ночь, я стала молиться на небо, своими словами прося Бога вести меня, не дать мне запутаться, погибнуть для вечной жизни, забыть Евангелие и церковь. «Укажи мне, как жить дальше!» – вот был вопль моей души. Это был вопль вдохновенной молитвы. Я знала, что через год, когда я и сестра кончим гимназию и институт, наступит новая жизнь без отца, который так мечтал «пожить для себя». Мать, не стесняясь и не скрывая, говорила свои мысли, пугая будущим.

Лиза утром ушла к обедне, где причащалась, и пришла усталая и чем-то недовольная. В Ардатове сговорились с возчиком на 5-6 дней. Двое ехали с поклажей, а мы, девочки, шли по очереди, так как лошадке было трудно всех везти. Возчик был бывалый, не один год возил по святым местам богомольцев. Возчик очень оценил повадки Лизы, как она умела вести и править лошадей, когда возчик шел.

«Ты все идешь, а она и возчика-то согнала с козел – сама сидеть хочет», – ворчали старушки. «Люблю править!» – лихо поговаривала Лиза, понукая хлыстом лошадку. – «А я не умею!» – «Ну вот и шагай! Барыня!» Ехали мы ночью и рассвет встречали в поле. «Споемте, девочки: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» – просили матушки. Все хором спели и еще молитвы спели. Какие-то богомольцы, две женщины, девушка и хромой мужчина, подсели к нам и вышел хор. Они шли 60 верст пешком, а у нас был возчик, и мы расстались.

Я вынесла из этой встречи, что вот есть русская интеллигентная компания, тоже едут в Саров. Величественная панорама открылась перед глазами, когда из-за леса показались крыши и потом весь монастырь (Дивеевский). Монахини встречали всех, брали поклажу и провожали в гостиницу. Будто они ждали богомольцев, а мы были им, как родные. Мы отказались от дворянской гостиницы и пошли в «общую», как простой народ. Было чисто, но жестко спать на деревянной скамье, есть в простых жестяных тарелках, умываться из общего рукомойника. А тут еще и дети плакали и болела голова от духоты и спертого воздуха. Это все после моей светлой уютной комнаты! Ночь не дала отдыха.

Утром обедня. Лиза опять подходила к святой чаше. «А когда же ты исповедовалась?» – спросила я. – «Смотри на себя, и довольно с тебя!» – был ее ответ. После обедни и завтрака из пшенной каши, которую принесли на стол в ведре, и все, кто хотел, ели, мы пошли осматривать хозяйство монастыря.

Меня заинтересовали мастерские. Светлые просторные комнаты, уставленные в ряд пяльцы. Монашенки-послушницы шьют, вышивают шелками и золотом, бисером и жемчугом красивые вещи: и ризы к иконам, и пелены на надгробья, и разные панно, подвески. Какая трудоемкая ручная работа, какое мастерство!

В другой зале шьют платье – ведь в монастыре более тысячи монахинь – все свое для своих. Вот и белье для армии, зеленые гимнастерки, суровые рубашки. Зал золотошвеек: шьют эполеты, погоны, вяжут аксельбанты для армии – это государственная нагрузка. Руководят же всем свои же монахини. Откуда вкус, изящество рисунка? «С детства приучают к послушанию, а Господь всему и умудряет, – разъясняет проводница. – Трудолюбие выращивает талант».

Осмотрели сиротский дом для девочек. Няни-монашки ухаживают за детьми. Чьи же дети? «Да разные случаи сиротства и бедности, а теперь и беженцы от немцев из занятых губерний». Содержат за счет монастыря. В художественных мастерских шел урок рисования. При монастыре есть школа для детей. Девочек учат рисовать иконы, но сейчас их учат рисовать разные фигуры из кубиков, со слепков. Несколько девочек десяти-двенадцати лет в длинных черных платьях и скуфейках. Они уже хотят быть монахинями. «В 10-то лет?» – ужасаюсь я. – «Так уж видно по их характеру и сердечному расположению, что они склонны к монастырскому житию, не любят мира».

Взрослые монахини пишут иконы. Живописное Распятие надолго осталось в памяти. Везде трудолюбие, молчание, молитва! В Дивеев принимают только девушек, вдов не принимают – так заповедал преп.Серафим, потому и называется – «Дивеево» (Дева). Здесь все готовое для насельников: и одежда, и стол, зато весь труд, кому какой дадут, никем не оплачивается, все делают «по послушанию». Много всяких служебных построек, все делают монахини. Огород, сад, скотный двор, пчельник – всего не могли обойти.

После ужина – постной лапши с грибами – монахиня стала обходить всех с блюдом. «Сколько же за день с четверых?» – спросили мы. – «По усердию!» – был ответ. Матушки наши оценили: и нам не дорого и усердие показали. Вечером надо было ходить по «Серафимовой дорожке» – насыпь небольшая с утоптанной тропинкой; шли с Иисусовой молитвой и четками.

«За эту дорожку Антихрист не пройдет!» – объясняет монахиня.

«А скоро он придет?» – спросит кто-то.

«Ох, скоро для тебя, скоро!»

«Антихрист – отречение!» – поясняет следующая.

«Не отрекусь! Все, но не я!» – отзовется еще голос.

«Помни, помни петуха! Запоеет для тебя!»

«Молитесь! Господь милостив, все простит». Вот так идут одна за одной, прикладываясь к встречающимся иконам на столбах, кладут поклоны. Устала я, и червь сомнения подкрадывается язвительными мыслями: «Для чего все это? Скорей бы в Саров!»

Утром пошли к обедне, было воскресенье, и пел «большой хор». Было торжественное пение. Вернулись часам к двум дня, еле стоя на ногах от усталости. Лиза отказалась от всяких хлопот и помощи по хозяйству матушкам. Запасы свои берегла и разговаривала резко. «Ладно уж, перетерпи, пребудем в мире», – утешали матушки и меня и себя.

Лиза вела запись расходов, все деля на четверых поровну, а ела за троих, удивляя нас аппетитом. Белого хлеба не было совсем, и только утром ели просфоры. К вечеру поехали по дороге в Саров на той же отдохнувшей лошадке и с тем же возчиком. Почему-то он был голоден, взял у нас хлеб, и мы просили Лизу ему что-либо дать из ее запасов. Я была очень удивлена, что возчик ел крутые протухшие яйца, данные Лизой, даже черные иногда. Погода была жаркая, и яйца испортились. «Ну вот, нам не дала!» – «А смотри-ка, как он ест, – умилилась Лиза, – вот что значит голод! Вот что значит простой человек – не вы!» А возчик, запивая водой из фляги, съел за дорогу десятка два яиц и все хвалил Лизу, как она умеет обращаться с лошадкой.

Кончился сосновый бор, поехали полями. И вот перед нами храмы Сарова. Толпы народа, идущего туда и сюда, вызывали чувство, что здесь идут на базар и с базара. Крестьяне – мордва в расшитых сарафанах, ярких платках, в фартуках, в онучах и лаптях – заполнили дорогу. Шли с детьми, тащили тележки с инвалидами, с больными. Часто встречались по дороге нищие, калеки, слепые, сидящие на земле и поющие «Лазаря». В воротах, при въезде монах высокого роста направлял пришедших и приехавших в корпуса. Везде стрелки с цифрами, так что сразу нашли корпус «для женщин без детей». А есть для семейных и для паломников-мужчин. По мужскому монастырю женщинам и детям ходить нельзя. Нас ознакомили с расписанием служб в церкви и куда нужно сходить: в пустыньку, к камню, на источник. Сказали, что в три дня все можно сделать и «идите по домам», т.е. больше и дольше жить нельзя и делать нечего. Строго, коротко, ясно, без поклонов. Мальчики – послушники лет 12-14 – принесли чайники с кипятком, миску черного хлеба.

Они исполняли роли «мальчиков на побегушках» и быстро, точно выполняли приказания старшего седого монаха, смотря ему в глаза. Не шалили – видно, было строго. «По восьми часов бегают! – объяснил о.Паисий. – И все в чистоте и порядке держат». Впервые в жизни я услышала слово «беспризорные». «Они наши, приютские!» Опять из занятых немцами областей, беженцы, потерявшие родителей и родных. Утром в 5 часов, перед обедней шла общая исповедь. В храме полно народу. Я впервые была на общей исповеди, но поняла, что индивидуальная исповедь заняла бы сутки, двое.

Священник заглядывал в требник и перечислял грехи, а народ шумно отвечал: «Грешны!»

грешны!» А я-то думала, а я-то мечтала об исповеди у старца! Я подошла из последних и сказала об этом. «Некогда, некогда нам! Видишь, сколько народу. Да что у тебя? Пела? Танцевала? Не постилась? Отдельно зачем же? Бог с тобой, девочка. Иди с миром! Веруй и молись!» – «А может, мне в монастырь уйти?» – «В монастырь? Сначала надо в вере укрепиться в миру, себя испытать во всем. Ведь вы из светских девочек? По вас видно. Интересуетесь духовной жизнью? Читайте книги – это те же люди. Где нам с каждым говорить, видите, какая масса народу?! Некогда!»

На душе было обидно и горько. Лиза громко читала правило ко Святому Причащению. Пели уже Херувимскую. Мужской хор монахов басил какое-то знакомое нотное пение, напомнившее мне наше раннее счастливое детство на даче под Угличем в Улейменовском монастыре. Чего я ищу здесь? Зачем я сюда приехала? В Угличе есть старые монахи, и нет там этой толпы – мордвы – простого, ничего не понимающего, грешного народа.

Я искала людей, которые могли бы служить мне «примером жизни», и я видела таких людей, но пример-то их не подходил ко мне. Ведь мне было 15–16 лет, и я была из неверующей среды, с детства слышавшая антирелигиозные рассуждения, но я была верующая в Бога, любившая Христа и не хотела быть иной. Мне указывали на монахов, священников как на отрицательных персонажей в жизни, их осмеивали и ругали при мне, а к ним тянулась моя душа, и в их жизни я находила замечательные поступки. Я видела нравственно совершенных людей, учеников Христа, людей, далеких от грехов людей, окружающих меня.

Здесь была брань, а у тех – молитва, здесь была ненависть, злоба, месть, сплетни, а у верующих – любовь, и всепрощение, и неосуждение. Кто-то сказал, что душа человека по природе христианка и от самого человека зависит сохранить и сберечь свою душу. «Образ есть неизреченная Твоя славы» – душа образ Божий... «Разве вы не знаете, что вы храм Божий, и дух Божий живет в вас» – такими изречениями заполнен был мой дневник. И если отцу моему грезилось через год-два, как мы кончим гимназию, бросить семью, так и мне хотелось из дома, где не любили христианства, где не было последователей Христа. «Но куда? Да ведь я и зарабатывать на хлеб себе не сумею...»

Впереди все неясно, все страшно. Тихая обитель, монастырь манил простотой жизни и цели, но ум не соглашался и требовал образования, широкой деятельности, воли, свободы ежечасной и какого-то жизненного размаха, а не сидеть за пальцами, за шитьем, за работой изнурительной изо дня в день. «Погубить свою жизнь в монастыре – это сохранить свою жизнь для вечности! – поучают меня старушки-спутницы. – И в монастыре грех и искушение бывают, но с молитвой все можно победить! А в миру – одна погибель!»

И вспоминается мне случай из моего раннего детства. Мне 6–7 лет. Бонна берет меня с собой в монастырь «в гости к монаху о.Михаилу». Он с неохотой отворяет дверь в келью – смущен и недоволен. Я не понимаю, о чем ему тихо говорит бонна, но о.Михаил, сидя в углу под иконами, качает головой и говорит: «Нет, нам это не позволено! Нет, нам это не件зно!» Я каким-то чутьем угадываю, что бонна зовет его гулять в лес, а это ему грех.

Я в восторге от слов о.Михаила, я знаю, что он победил, что он верно поступил. Я готова целовать его руки и начинаю проситься домой. «Пень! Какой же он дубовый пень!» – выходя говорит бонна, а я знаю, что о.Михаил святой, и, когда он служит обедню, я стою на коленях не перед образами, а перед ним.

Я с детства любила батюшек. Послушник Николай по вечерам гуляет с нашей семьей во ржи; но вот 8 часов, удар колокола, возвещающий, что ворота монастыря через 1/2 часа закроют на ночь. «Останьтесь, погуляем еще, вы через стену влезете!» – уговаривают монаха мать и тетя.

«Нам не дозволено так-то делать!» – отвечает он и убегает. Кем не дозволено? Как потом в годы юности и всяких искушений эти слова «Это нам не дозволено!» грели ярким огнем, очищали поступки, согревали душу и утверждали веру. Да, только верующему Господь давал силу преодолевать искушения и грех.

А время приближалось такое, где царствовал лозунг «Все дозволено!» Война, разруха, дороговизна! Даже в монастыре объявляли: остерегайтесь воров. «Не ходите по лесу одни! Берегитесь незнакомцев!» – уже и здесь случаи грабежа паломников... Матушка Еванфия, понимавшая меня, утешала: «Получишь ты здесь и ответ и утешение, молись и не смущайся ничем. Ну что же, что и здесь встречаются воры? Везде люди, везде и грехи. На святые места враг рода человеческого еще больше нападает и на хороших святых людей больше ополчается. Грешники дьяволу не нужны, они и так его слуги!»

Пришли мы в собор прикладываться к мощам преп.Серафима. Очередь вьется по церкви, читают акафист преподобному, народ нестройно подпевает за певчими. У свечного ящика стоит звон от считаемых монет. Продают свечи всех размеров, и на блюде их носит монах к раке. А там блеск серебра и золота от множества зажженных свечей и лампад. Опять сомнения: да нужно ли все это почившему святому? И для чего все это столпотворение здесь? Очередь к мощам соблюдается строго, священник-монах наклоняет голову на определенное место, – задержаться ни на секунду нельзя, – подходит следующий паломник, движется тысячная цепочка людей...

Где же тут поплакать у мощей, излить горе, просить о прощении, посещении и твердости – скорее, скорее!.. Пошли на источник. Дорога лесом, сосновым лесом столетней давности. Дорога широкая, утоптанная тысячами богомольцев. Опять мордовки в ярких платьях, в лаптях; много и русских крестьян, группа монахов из какого-то мужского монастыря – идут тоже к источнику. Девушки в белых платочках, как я с Лизой. Вспоминается картина Нестерова «Святая Русь». Идут труждающиеся и обремененные... Большинство простого народа. «Шляп нет, франтов нет, веселых нет, богатых нет», – считает Лиза. «Да, богатых и веселых Господь не звал к себе, – скажет матушка, – им здесь ничего не надо и делать нечего им здесь».

А мне надо идти, ведь я обремененная сомнением и усталостью. Солнце нестерпимо палит – июнь, и хорошо идти по лесу в надежде напиться у источника. По бокам дороги лавочки-киоски, где продаются просфоры. Монах мочит водой низ купленной просфоры и чернильным карандашом выводит имена поминаемых «о здравии и за упокой». Просфоры идут в разные корзины. «Всех помянем, всех помянут! – говорит старик-монах. – Завтра получите в притворе церкви. Ну что же, что не свою, не с вашими именами получите просфору? Мы все одно тело Господне! Мы все равны – и стар, и млад, и беден, и богат – у Господа!» Звенят пяточки и гривенники, опускаемые в металлические кружки. «И везде-то деньги надо!» – сокрушается Лиза, не уместившая на одной просфоре всю родню.

А мне не хочется никого писать неверующего, но матушка советует писать именно их, за кого будет молитва в церкви у престола. «А как же без денег, ведь в монастыре больше тысячи живут, всех надо одеть, обуть, накормить, да и нас всех, паломников, хлебом и квасом даром кормят», – вразумляют нас. «Да, квас здесь отменный, а хлеб-то черный заварной лучше всякого медового пряника!» Идем дальше.

На обочине сидят нищие-калеки, поют «Лазаря», делят деньги, лежат, спят. Встретили тележку – безногого везли. Ох ты Русь, терпеливая, нищая! Вот и источник! Где же? Спускаемся вниз по 10 ступенькам и попадаем в купальню. Пол бетонированный. Наверху у потолка железная труба с отверстиями, из которых большой струей льется вода, холодная ключевая вода. Лиза и матушки подходят, крестясь, под ледяной душой. Я не хочу – обещала отцу,

я кашляю. «Вот искупаешься и не будешь во век свой кашлять», – говорят мне. – «Нет, не хочу!» – «Ну и будешь всегда кашлять!» – пророчат мне матушки. (Предсказание за неверие сбылось. Я всю жизнь кашляю, и ничего мне не помогает.)

«У нее веры нет в это! – вставляет Лиза и снова идет под струю. Как кипятком обдало», – от ее тела идет пар. Я содрогаюсь, борюсь с собой. «Нет, не надо!» Подошла к колодцу и взглянула вниз: там икона преп.Серафима. Все бросились ко мне. Как? Где стояла? Как видела? «Врешь, ничего не видела! Ишь какая святоша!» – всполошилась Лиза. – «Мне показалось... я видела, но чего ты накинулась на меня?» – «Преподобный показывается только особым людям!» – поясняют мне. «А она и не купалась даже!» Лиза выходит из себя: «Ничего не видно!» – «Да ну, оставь Зою, ладно вам!» – заступилась матушка; а я и обижена, и напугана, кругом люди слушают, все смотрят в колодец и на меня.

Здесь же киоск. Торгуют бутылками и деревянными к ним футлярами. Налив воды, взяла бутылку для мамы: «Может, исцелится!» Пошли дальше лесом – «к камню», на котором преп.Серафим молился 1000 дней. Камень огорожен железной решеткой. Рядом сосны окованы высоко железом. Паломники все портят, беря на исцеление. Вся земля вокруг камня изрыта так, что образовались ямы из чистого, желтого крупного песка, который насыпают в мешочки... Монах, сторож при камне, раздает мелкие камешки. Рядом киоск, торгуют листочками с молитвами, кому какую. Ленты, закладки, образки и крестики на шнурках. У кого нет денег, берите даром, другие за вас дадут, но совестливые наши люди даром почти не берут, разве листок с молитвой. Все стоит копейка, две, пятак.

Черные шелковые четки купила я и Лиза. «Для чего тебе они?» – допрашивает Лиза. – «В подарок матушке». – «То-то!» Какая она, Лиза, сердитая! У меня в душе смущение: везде торгуют, везде деньги... Разве в этом Царство Небесное? Разве здесь истина? Люди чтут камень, чтут воду... все это мне не нужно, чуждо, да и устала я ото всего... Опять идем в дальнюю келейку, где жил преп.Серафим. Небольшая избушка, вся в иконах и лампадах. Старый монах отец Афанасий раздает сухарики. Кого погладит по голове, кого перекрестит, другому словечко скажет, а то поет молитву. Подхожу и я. «Ничего, не тужи, все хорошо будет!» – слова ободряют меня. Возвращаемся усталые и после скромного ужина узнаем от монаха, что в монастыре есть старец в затворе. Он никого давно не принимает, но ему можно написать письмо и получить ответ. Я обрадовалась, хотя червь сомнения не оставлял меня. Как он мне ответит? Через всю жизнь сохранным пронесла я это письмо, вот оно:

«Батюшка! Научите меня, как быть достойной, чтобы носить имя христианки. Покажите мне путь мой и как я должна идти по нему, чтобы достигнуть нравственного совершенства, к которому стремлюсь всей душой и хочу его приобрести. Скорблю о том, что мало во мне веры, которая укрепляет духовную жизнь. Догматы и обряды не находят места в душе моей, я их или отвергаю, или не следую им, потому что они не учат нравственности. Евангельское слово Иисуса Христа, что Царство Божие внутри вас есть, живут в душе моей, но я не знаю, как воздвигать и укреплять это Царство. Я хотела бы иметь тишину и покой в душе моей с непрестанной молитвой Иисусу Христу, но в монастырь постричься я не могу потому, что хочу «душу свою положить за други своя», да и люблю жить с людьми и в мире.

Скорблю я и о том, что люблю своего папу часто больше учения Христа, и когда родители мои против моего частого хождения в Церковь или к исповеди (что было в великий пост), то я сильно сокрушаюсь сердцем и не знаю, что делать, не могу нарушить просьб родителей. Нахожу утешение у Распятия, но сердце болит. Скажите мне, батюшка, сколько раз в году нужно приступать к св.Причастию? Мне говорят некоторые, что можно часто, но я боюсь привыкнуть, за что, конечно, на том свете потерплю от Господа наказание, да и сама, пожалуй, не смогу быть готовой всегда, ибо погружена в заботы мира сего.

Сегодня я исповедовалась и приобщалась св.Тайн, но не имею такой духовной радости, что раньше испытывала, по причине множества исповедников, не успела сказать все свои согрешения и мне горько сегодня.

Батюшка, знаете вы все, что есть в душе моей, и видите ее - научите же меня жить и скажите и укажите путь, я хочу жить истинной христианкой, сама не имея на это веры в догматы и обряды.

Скорблю я о том, что, видно, скоро наша семья распадется, а я не знаю, к кому отойти: к матери или к отцу. У отца моего любимого есть другая, и он хочет с ней жить, а не с нами. Я у отца любимая дочь и сама его люблю, а мать больную мне жалко оставлять.

Скажите, батюшка, что будет с семьей нашей и к кому мне отойти, к отцу или к матери? Сердце болит, как подумаю о сестре Рае и брате Николае; куда нам идти и как жить дальше? У матери моей какая-то болезнь, голова и сердце болит, тоскует. Скажите, что ей нужно сделать, чтобы выздороветь?

Батюшка, родимый, напишите мне записочку; я бы по ней и жила. Прошу Вашего благословения на мою семью, рабу Божию Анну (учительница рукоделия была больна) и на меня, грешную рабу Божию Зою».

Переписала начисто. Лиза так и ахнула: «Где же старцу читать твое послание?! Чего писала?» Не дала я ей читать. Это был протест за ее ворчанье на меня. «А обо мне писала? А об Н.Д.?» - «Ничего тебе не скажу!» А вокруг разговоры: «Где же старцу все наши письма читать? Да когда же?» - «Да грамотен ли он? Поймет ли он? Как он ответит?» Монах раздавал конверты: «Положите по усердию на обитель!» И здесь деньги! А кто распечатывает? Кто читает? И нашептывает дьявол сомнения. Вспоминаются слова Христа: «Се сатана просил сеять вас как пшеницу!» Сеется душа, сеется через сито сомнения и неверия, отметаются сорняки, остается вера. И пишут, и деньги дают, и верят, что будет ответ. Вера нужна, вера! Огромный почтовый ящик, сюда и кладут письма. Не прочесть! Сколько здесь слез, молитв, просьб - и все с надеждой ответа.

На следующий день вечером идем все за ответом. Толпа идет к двухэтажному деревянному флигелю с балконом и лестницей к нему. «Это невозможно! - думаю я. - Это обман, неправда», - шепчет мне сатана в уши. Я отошла от толпы. На балкон вышел монах, принесли книги, картинки из жизни преп.Серафима. Толпа засуетилась, все взоры обращены к балкону. Монах - это келейник старца о.Анатолия, который в затворе, не выходит, не принимает, не видит никого... Верю, Господи! Помогите моему неверию!

Продолжение в журнале №2

Архимандрит Таврион (Батозский): Чудесное избавление от смерти в 1920 году

Дневники, письма, воспоминания

...Исповедуйте перед всеми живущими что Он сделал для вас... Тайну цареву прилично хранить, а о делах Божиихобъявлять похвально.(Тов 12, 6-7)

Великая и неисповедимая милость Божественного Промысла обильно проявилась в моей личной жизни, о которой, если я не буду возвещать, то горе мне, как неблагодарному рабу. Излившаяся благодать спасительного Промысла не должна остаться тайной, так как все это совершилось на глазах многочисленной монашествующей братии и при таких обстоятельствах, где человеческая мудрость и сила не в силах спасти и продлить жизнь.

Был 1920 г. В январе месяце сего года я был мобилизован Советским правительством для отбывания воинской повинности. Мне в это время со дня рождения был 21 год. Будучи мобилизован, я был отправлен в г. Курск. По выяснении там нашего отношения к воинской службе, я намеревался немедленно возвратиться в славную Глинскую пустынь. 22 февраля рано утром я, тайно от других, оставил г. Курск и для удобства путешествия избрал путь по шпалам железной дороги. В этот же день я прибыл на станцию Льгов, где в ближайшем селении попросился переночевать. На следующий день рано утром я отправился в дальнейший путь, не имея с собой ни крошки хлеба. Изнуренный от пути и голода, я зашел в ближайшее селение попросить хлеба. Но на мою мольбу хозяин ответил горьким укором, и я со скорбным чувством о немилосердии современных христиан продолжал путь далее.

К вечеру я пришел на станцию Корянево. Хотя я и узнал, что поезд на г. Рыльск отправляется только в 9 часов утра, все же не решился оставаться ночевать здесь, так как проситься на ночлег у местных жителей значило получить в ответ тяжелый укор, а потому я решил тут же вечером отправиться на Рыльск по путям железной дороги.

Выходя со станции Корянево, я намеревался купить себе хлеба, но его не оказалось, потому что было время неурожая, голода и страшных его последствий. У торговцев съестными продуктами были некоторые продукты, но они были все мясные, а между тем была третья неделя Великого Поста, и я не решился нарушить пост.

Так рассуждая, я двинулся в путь по шпалам. Вдруг я заметил, что откуда-то впереди меня появился старичок-крестьянин, в серой свитке с корзиной в руках. Он подошел ко мне, вынул из корзины два еще теплых пирожка и, подав их мне со словами: «Возьми, ты кушать хочешь», поспешно удалился. Я взял эти пирожки и обратился поблагодарить его, но его уже не было...

Тогда я с благодарностью Богу съел пирожки и продолжал свой путь. Я достиг г. Рыльска в 11 часов вечера. Будучи первый раз в этом месте, я стал стучать в двери станции с просьбой приютить меня или указать мне дорогу на г. Рыльск. Однако в ответ из-за дверей услышал несколько грубых непонятных слов. Была темная, сырая, весенняя ночь. Дрожая от холода, сырости и голода, утомленный ходьбой, я склонялся ко сну. Несмотря на поднявшийся лай собаки, я пробрался в соседний коридор и лег на сыром каменном полу. Холод и голод лишили меня необходимой теплоты для сна, но все же я заснул, хотя и ненадолго. Очень скоро я встал. Холод пронизывал меня насквозь. Новая попытка заснуть не удалась, я не мог дольше лежать в таком холоде и сырости.

И, несмотря на темную ночь, я снова отправился в путь. Не зная дороги, я скоро сбился с нее. Был густой туман. Растаявший от дневного весеннего солнышка снег изгладил следы дороги, и я очутился среди непроходимой массы кочек и болот. Оказавшись в столь затруднительном положении, я решил вернуться обратно на станцию. Но, увы, вместо станции я оказался на островке среди разлива воды. Таких островков было много вокруг меня. Блуждая по ним и переходя с одного на другой по колено в воде, я дошел до самого Сейма. Сейм уже был наполнен весенней водой, и поэтому я был лишен возможности переправиться на другой берег. Долго я обдумывал свой план переправы через Сейм. Я даже становился на большую оторванную льдину с тем, чтобы на ней с помощью палки переправиться на другой берег. Но льдина от тяжести моего тела всякий раз тонула и не повиновалась мне. Я был готов снять с

себя одежду и, укрепивши ее на спине, броситься вплавь, но Спасительный Промысел Божий дал мне образумиться и укрепиться надеждой на скорый рассвет, который вскоре и наступил.

Где-то пропел петух, который дал мне понять, что недалеко есть селение. Ходя вдоль берега, я время от времени стал своим ослабевшим голосом взывать о помощи, но объятые крепким предрассветным сном селение меня не слыхало, и помощь все не шла. Начинало светать. Через туман я стал понемногу слышать и видеть движение неопределенных фигур и стук ведер. Это начиналась ранняя работа женщин-хозяек, они брали воду в береговых колонках и промоинах. Черпая воду, они заметили меня и говорили между собой: «Смотри, лошадь, что ли, блуждает на том берегу реки?»

Но по мере рассвета они ясно определили, что ходит человек, нечаянно попавший на острова и теперь ожидающий переправы на берег. Один из христоробцев оказал мне милосердие, приехав на лодке, и мы переправились.

Многие удивлялись, спрашивали, как я мог попасть туда, ведь рукава Сейма наполнены водой. Узнав у моего перевозчика дорогу в монастырь, я через город пошел к нему.

В монастыре я остановился у о. Кессария, который принял меня с братской любовью. Я попросился у него немного отдохнуть. После приятного сна он накормил меня братским супом, который принес с трапезы, и напоил чаем. На другой день после чая я зашел в храм и в краткой молитве воздал благодарение Христу Спасителю и Его угоднику Святителю Николаю за сохранение моей жизни и за удержание от самонадеянного поступка. Однако все это было лишь началом проявлений Благодати спасающего и сохраняющего нас Промысла Божия.

Имея при себе хлеб, данный о. Кессарием, я отправился в дальнейший путь – в Глинскую пустынь, идя большим шляхом. Я не мог понять, почему сейчас в моей памяти живо и ясно предстает пройденная мной жизнь и все продуманное в ней. Кроме того, в памяти стали появляться картины и события из жизни Христа Спасителя и Его Божественного домостроительства. Все эти воспоминания вызвали во мне чувство благоговения, благодарения и молитвы. Я невольно задавал себе вопрос – не случится ли сегодня что-либо роковое в моей жизни?

Совершив путь в 45 верст, я еще к раннему вечеру пришел на Шалыгинскую горку, с которой в первый раз опять увидел славную Глинскую пустынь, которая своей белизной на фоне зеленых садов казалась похожей на только что расцветшую величественную лилию, а ее колокольня напоминала корабль, приставший к тихой лесистой пристани. Да, это поистине была пристань и спасительный корабль, который в продолжение многих лет стоял у пристани. Много, много житейских бурь разбилось в брызги и пену о священные стены. Якоря корабля были крепки. Это были благодетельствованные старцы, которым открыта была от Господа судьба венценосцев и близость упадка благочестия. Да, сколько скитальцев юдоли земной отправил этот корабль на Тот берег, где вечная жизнь и блаженство. Сколько разбитых неудачами, суетой ложного мира жизнью нашли в нем покой и правду.

В эту святую обитель стремилась и моя истерзанная, расстроенная и истрадавшаяся душа. Приближаясь к пустыни, я на пути к мельнице встретил препятствия. Это были размоины, но все же за счет своих больших и крепких сапог я перешел их. Придя на мельницу, я встретился с братией, которая обрадовалась моему внезапному возвращению. Тотчас пригласили разделить с ними чай и обогреться, а также и переночевать по случаю невозможности переправы в монастырь. Дорога идет недалеко от реки через топкий и низкий луг. Во время разлива невысокая речная насыпь затоплялась и смывалась, поэтому сообщение с монастырем становилось опасным и трудным. Братия с мельницы стала мне говорить: «Сейчас пройти в

монастырь нет никакой возможности, так как вода с каждым часом и минутой прибывает, а ехать на телеге в эту пору никто уже не решится...»

С самых детских лет и до сего события я никак не мог согласиться с тем, что есть для меня что-то невозможное.

Я не был удовлетворен этим ответом. Я никак не мог согласиться с тем, что пройдя такой длинный путь, почти у стен монастыря я должен оставаться до следующего дня. Тут я должен признаться, что с самых детских лет и до сего события я никак не мог согласиться с тем, что есть для меня что-то невозможное. Самонадеянность, быстрота и твердость ощутимо и всецело овладели мной. Обдумавши план, я спросил у своих, нет ли у них лодки. Они мне ответили, что лодка есть, но худая и показали ее мне. Это меня не остановило. Я попросил у них каких-нибудь ключев и принялся чинить дыры лодки. Насколько это было возможно, я исправил лодку. На мою просьбу о весле они дали мне длинный шест, настоящего весла не оказалось. На все предостережения братии я ответил: «БОГОМ МОИМ ПРОЙДУ СТЕНУ!» – с этими-то словами я оттолкнул лодку и оказался на реке. Отправляясь в плавание, я поднял свой подрясник повыше и опоясался поясом, чтобы было более удобно работать шестом, маленькую черненькую котомочку, в которой было Святое Евангелие и Миссионерские заметки да одна пара белья, прикрепил себе к поясу.

Братия мельницы, поднявшись на высокую террасу, стояла у перил и, не сводя глаз, следила за моим плаванием. Солнце было уже на закате. Река с многими голыми ольхами и вербами была вся в полном разливе, напоминая собой бушующее море. Моя лодка начала быстро наполняться водой, проникавшей через щели. Все это было еще терпимо, но тут лодка попала на промоину, которая образовалась от обилия воды в этом месте. До этого лодка плыла по воде, текущей поверх льда, который еще не поднялся и не поломался. Глубина этого слоя воды была почти в аршин. В промоину, куда попала моя лодка, впадала глубокая канава, идущая с дальнего скита. Эта канавка при весенней воде превращалась в реку, получался быстрый и шумный круговорот. Попав на это опасное место, моя лодка затрепетала, как перышко, и, набравшись воды, стала тонуть. Опрокинув меня, она перевернулась вверх дном. Быстро выбравшись из-под нее, я залез на ее горб, т.е. на верх опрокинутой лодки, в надежде, что так я переправлюсь на берег, но она, опрокинув меня еще два раза, с водной быстрины пошла под лед.

На все предостережения братии я ответил: «БОГОМ МОИМ ПРОЙДУ СТЕНУ!» – с этими-то словами я оттолкнул лодку и оказался на реке.

Я очутился среди моря бушующей воды, которая понесла меня до конца промоины с быстротою спущенной стрелы. Схватившись за край льда, я пытался взобраться на него, а там, я думал, хотя и по пояс в воде, смогу добраться до кучи конопли, которая вымачивается соседними крестьянами в прибрежье этой реки. Но когда я два раза усилился взобраться на верх льда, то у меня для этого не хватило уже сил. Но все же в третий раз я уже из последних сил сделал последнюю попытку... В этот самый момент огромная льдина, принесенная водой, защемила меня за сапоги и потащила под лед. Я успел только крикнуть отчаянно: «Ой!» Несомый льдом, я чувствовал, как моя голова в большой монашеской шапке беспрестанно ударяется об лед. С самого того момента, когда я пошел под лед, я не терял присутствия духа и сознания. Первые мои мысли подо льдом были таковы: «Вот, Тихон, конец тебе и твоим делам и желаниям! Как горел ты желанием приобрести познания и что-то совершить, а вот теперь на тебе исполняются слова Давида: «...И погибнут в тот день вся помышления твоя!..»

При этих мыслях мне стало очень тяжело, к тому же я старался крепиться, чтобы не набрать в рот воды. Я вспомнил слова людей, говоривших, что для утопленников самая легкая смерть, но

почему же мне так невыносимо тяжело?! И, не выдержав больше, я открыл рот и нос, в которые хлынула грязная и холодная вода, сразу наполнившая меня. Отяжелев, я почувствовал, что к чему-то прислонился и сел, поджав под себя ноги. Очутившись в таком положении, я сознавал, что нахожусь в пасти смерти, но робости и страха я не испытывал. Сидя так, я вспомнил слова Христа Господа, сказанные Им Своим ученикам на прощальной беседе: Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам... просите и получите... (Ин 16, 23-24).

Крепко веруя в эти слова, я стал молиться Богу: «Господи Боже! Ради жизни возлюбленного Твоего Сына Господа нашего Иисуса Христа, спаси меня!» Я надеялся на спасение, но в то же время и не смущался при мысли, что если Господь и не пошлет мне теперь спасение, то значит лучше для меня умереть здесь, чем жить, а не потому, что он не услышал молитвы моей.

«ГОСПОДИ, СПАСИ МЕНЯ!»

Молился я также и Богородице – заступнице рода христианского, Предтече Господню Иоанну, Святителю Николаю Чудотворцу, Великомученице Варваре, Великомученику Дмитрию, Святителю Иоасафу, епископу Белгородскому, и преподобному Серафиму Саровскому.

Вспомнил, что я недавно исповедовался и приобщился Святых Тайн Христовых.

Помощи все еще не было...

При мысли, что мой безжизненный и разлагающийся труп всплывет на поверхность, я, чтобы люди узнали, что я скончался с верой в Распятого Христа, сложил пальцы для крестного знамения и, перекрестившись со словами: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!» – оставил сложенные пальцы, крепя их на левом плече, и в таком положении ожидал своего разлучения с телом.

При мысли, что мой безжизненный и разлагающийся труп всплывет на поверхность, я, чтобы люди узнали, что я скончался с верой в Распятого Христа, сложил пальцы для крестного знамения и, перекрестившись со словами: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!»

«Жив ли я?» – подумал я и, чтобы утвердиться в этом, стал ощупывать сложенными пальцами плечо, но плеча я почти не чувствовал, и рука моя едва повиновалась моим усилиям. Я уже не чувствовал ни холода, ни тяжести, но только ожидал нового мира! Вдруг от какого-то толчка я наклонился и, почувствовав тошноту, моментально был выброшен на поверхность. Плывя, я видел, как заходящее солнце бросало свои последние светло-багровые лучи на облака и на разлившееся море воды. Плывя, я не чувствовал ни холода, ни тяжести, я не тонул. Мне в голову приходила мысль: «Не бред ли это или, может быть, сон?» Чтобы увериться в этом, я протянул руку к кустарнику, мимо которого несла меня вода. Схватился руками за ветки, но ветки оборвались, я снова схватился, но они опять оборвались, я схватился в третий раз и на этот раз удержался и остановился. Тут я сразу почувствовал тяжесть собственного тела, холод и мокроту воды, которая проникала во все части моей одежды. Держась за веточку, я ухватился за две и за все вместе. Для крепости нагнувши их, стал на них ногами, а за другие, соединенные вместе, стал держаться руками.

Хотя пристань моя в редком лозовом кусточке была малонадежная, но я все же немного успокоился и стоял по колени в воде на веточках, которые при неосторожном повороте могли сломаться, и я бы опять поплыл по водам. Собравшись с духом, я стал ослабевшим голосом звать на помощь и услышал с мельницы ответ:

- Ты жив?

- Жив, - ответил я.

- Ну, крепись, спасен будешь!..

Услышав эти слова, я стал крепиться. Солнце уже совершенно зашло, и наступила тьма. Поднялся сильный холодный ветер, который все на мне заморозил. Руки и ноги от изнеможения и холода онемели, отказываясь повиноваться движениям, которыми я хотел сохранить в себе теплоту, необходимую для сохранения жизни.

Не меньше моего крушения испытала и мельничная братия. Она, видя, как я на их глазах с последним звуком «ой...» ушел под воду, страдала душой и горько раскаивалась в том, что пустила меня на опасной лодке, да еще в такую позднюю пору. И вот вдруг они слышат мой голос, взывающий о спасении, умоляющий о помощи.

Отец Измаил, проникнутый истинно Христовой любовью, тотчас решил пренебречь всеми опасностями и пешком по размытой гребле пробраться в монастырь, сообщить о случившемся и подать скорую помощь. Переправа его совершилась благополучно. Придя в монастырь, он рассказал отцу архимандриту, настоятелю пустыни, о случившемся. Отец архимандрит Нектарий сейчас же поручил отцу Авелю дело спасения утопающего брата. Последний со свойственной ему быстротой и умением снарядил лодку с братией. Но плыть по реке было невозможно - лед, идущий навстречу, мог дать лишь новых утопленников. Тогда решено было запрячь телегу и отправить лодку к ближайшему берегу, т.е. к месту моей пристани. Так и сделали. Но когда на телеге была привезена лодка и спущена на воду, то она не смогла двигаться: мешали пни, покрытые водой, они не давали почти никакой возможности проникнуть к реке.

Тут из монашеской братии выделилось четыре инок, которые решили во что бы то ни стало спасти брата или самим погибнуть за его спасение. Это были отец Ювеналий, отец Савин, отец Нифонт, отец Астион. Отец Астион сел у руля и стал управлять лодкой, отец Савин сел на носу и держал в руках два больших фонаря, а отец Ювеналий и отец Нифонт были гребцами.

Насколько опасно и трудно было держаться на моем кустике, только один Господь знает! Томительно и длинно было для меня ожидание помощи. Сколько искренних молитвенных воплей моей страдающей души пронеслось до престола Божия, сколько обещаний, при воспоминании о которых трепещет и теперь мое неблагодарное сердце, - все это было произнесено на слабеньком лозовом кусточке!

Время тянулось медленно. С мельницы не слышно было укрепляющего голоса, а виднелся только слабый огонек фонаря. Видны были огоньки берега, где братия с нетерпением ожидала моего спасения.

Время все шло, я уже лишился голоса. Я приходил к уверенности, что если и придется братии спасти меня, то только для того, чтобы мне умереть в стенах монастыря, ибо все испытанное и случившееся со мной не в силах будет понести мое расстроенное здоровье.

Но вот, наконец, я увидел, что какие-то два фонаря чуть заметно движутся все ближе и ближе. Я даже услышал голос, говоривший мне: «Тихон, раздевайся...»

Как горьки были мне эти слова. Неужели, думалось мне, так тяжело и невозможно приехать, что требуется еще этот последний опасный шаг? Но по мере их приближения, я услышал их призыв: «Тихон, чаще отзывайся...» Я стал напрягать последние силы, чтобы хоть слабым

голосом дать знать, куда плыть пловцам, которые быстро направили свою лодку к моему кустику. Когда лодка пристала ко мне, то я сам уже не мог поставить в нее ноги, и только с помощью отца Савина я встал в лодку и скоро был привезен на берег.

Братия, узнавши, что я жив, в радости благодарила Бога. Не успел я стать на берег, как два каких-то дюжих монаха, набросив на меня шубу, подхватили под руки и почти бегом направились в братскую больницу. Снявши мокрую одежду и получивши возможную в монастырской больнице помощь, я уснул. Сон мой был спокойный и крепкий. Проснувшись наутро, я не чувствовал ни малейшей боли, и, когда я явился на глаза настоятеля, он, смотря на меня с удивлением, сказал:

- Тихон, ты ли это?!

Выслушав все подробности о случившемся, он воздал благодарение Богу за спасение и милость, проявившуюся на мне, и сказал мне:

- Смотри же, не забывай того, что обещал Богу!

Монашеская братия почти вся была уверена, что я не буду жить, но, благодарение Богу, я по-прежнему здоров и благополучен.

Время с момента потопления до прибытия лодки к берегу длилось четыре с половиной часа. Я был привезен в больницу около одиннадцати ночи.

Исповедую, что я был спасен Силою Божиею по молитвам Пресвятой Богородицы и Святых, к которым обращена была моя молитва подо льдом!

Я по милости Божией был спасен, а котомочка моя оторвалась от пояса и погибла. Но вот через три месяца со дня этого события монастырские послушники ловили рыбу и у берега ближней мельницы, которая от места события отстоит более версты, своей подсадой вытащили со дна реки большой комок грязи. Когда стали его рассматривать, то оказалось, что в нем небольшая котомочка. Они сразу догадались, что это та, о которой говорил Тихон, что она погибла, оторвавшись от пояса. Очистив ее от ила, они представили ее мне. Когда я ее развязал, то Евангелие предстало открытым и занесенным илом на том самом месте, где Христос Господь сказал Марфе: Я есмь воскресение и жизнь. Верующий в Меня, если и умрет, оживет (Ин 11, 25). Очистив его от грязи и высушив, я снова его переплел, и эта маленькая котомочка является вещественным неопровержимым свидетельством силы веры во Христа Спасителя. И действительно, если бы не сила имени Христова, то и я был бы найден занесенным илом, но не очищенным, а преданным земле, как должная дань ей.

Все сказанное мной является только тем, что было мною испытано в действительности.

Исповедую, что я был спасен Силою Божиею по молитвам Пресвятой Богородицы и Святых, к которым обращена была моя молитва подо льдом!

Причина, побудившая меня передать подробно о случившемся со мной, есть Слава Божия, ибо не мое благочестие, которого я не имею, заслужило эту милость спасения, а единственно благодать и милосердие Божие дали мне жизнь.

Я надеюсь, что своим рассказом о сем благодарении Божиим хотя бы немного облегчу свою неблагодарность к Богу за Его Милосердие!

БОЖЕ! КАК ДИВНЫ И ВЕЛИЧЕСТВЕННЫ ДЕЛА МИЛОСЕРДИЯ ТВОЕГО!!!

Курск, 19 октября 1926 г. Пермь, ноябрь 1940 г.(переписано) Рига, мари 1972 г.

В.А.К.: Воспоминание о всех святых Господа нашего Иисуса Христа

Дневники, письма, воспоминания

1. Каждый святой чем-то Господу угодил: верой, правдой послужил, до конца дней своих терпел, скорбел и Христа в душе имел.
2. Дивен Бог во святых Своих, дивен тем, что с помощью угодников, Господь свойства, законы и дела Святой Троицы открывает и верующий человек новые знания приобретает.
3. Святые Господу всегда конкретно в чем-то помогали: храмы строили, их украшали. Святые места не забывали, их посещали; Учение Господа раскрывали, народ духовно обучали, его от врагов земных и неземных защищали.
4. Сами святые нужду терпели, но народу последнее отдавали, их обижали - они всем прощали, исцеляли и духовно наставляли, а в беде - имя Господа, Царицы Небесной и всех святых - призывали.
5. Каждый святой имя Господа хотел прославить, Ему и святым чем-то угодить, им послужить, добрые дела и дела милосердия сотворить.
6. Богу угодными делами послужить: людей духовно накормить, объяснить, вразумить, подсказать и научить, как вместе с Господом быть.
7. Людей духовно накормить: литургию, акафисты, молитвы, воспоминания о жизни и трудах подвижника написать, отпечатать и раздать.
8. Учение Господа нашего Иисуса Христа доходчиво и понятно объяснить, любовь к духовному подвигу привить и всем необходимым для этого снабдить: как стяжать терпение, как молитвы читать и как труд с духовным подвигом сочетать.
9. Когда верующий ставит вопрос об исцелении, то здесь необходимо вразумление: с какой целью Господь человеку болезнь дал, чтобы он это понимал.
10. Сейчас на земле духовных отцов мало, другое время настало; некому вовремя подсказать, чтобы ошибок в духовной жизни не допускать.
11. Чтобы других учить - как вместе с Господом быть, - нужно прежде самому духовную дорогу пройти, Господа в душе обрести и только тогда знания передавать, чтобы людей наставлять, а не смущать.
12. Труд от верующего до святого очень большой: человек зреет душой. Если верующий посты, заповеди Господа соблюдает, в храме часто бывает, то святой - все земное отвергает, духовный подвиг совершает, труды во славу Господа несет и с Ним постоянно живет.
13. Каждый святой свои заслуги перед Господом имеет: один - отечество от иноплеменников защищал, другой - жизнь свою за Господа, друзей отдал, третий - учение Господа раскрывал и распространял, четвертый - духовно немощных окормлял (учил), пятый - с духовной ересью

боролся, шестой - храмы, монастыри строил, седьмой - их украшал, восьмой - духовные труды написал, девятый - их издал, десятый - духовное заведение создал, одиннадцатый - в них преподавал, двенадцатый - все на потребу человеку давал (крестил, учил, венчал, отпевал), тринадцатый - Господу и святым Его хвалу создавал: каноны, ирмосы, молитвы, стихи писал и хором прославлял.

14. Кто Господа и святых Его не забывает, тот сам с Господом пребывает.